

Андрей Проскуряков

IN VINO

роман

18+

Андрей Проскуряков

In Vino

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Проскуряков А.

In Vino / А. Проскуряков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Интеллектуальный приключенческий роман и энциклопедия вина под одной обложкой. «In Vino» - вторая частью Зарецкой дилогии, и связан с первой частью («Via stucis», 2017) не сюжетно, но топологически - единым пространством города Зарецка и его окрестностей, а также посредством вечных человеческих проблем – любви, долга, дружбы, веры и нравственного чувства, на которых делает акцент автор. А захватывающий сюжет, выпуклые и узнаваемые характеры персонажей гарантируют увлекательное чтение.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Моим друзьям с любовью

«Теперь за Красотой следить хочу,

Как не следил никто...»

В. Набоков «Бледный огонь»

Аперитив

Раньше всё было по-другому. До эпохи интернета и всяких гаджетов спириты вызывали потусторонних существ способом архаичным, громоздким и не всегда эффективным – путём столоверчения. В результате этой процедуры, требующей тонкой настройки оборудования, выверенной калибровки деталей и всё равно дававшей многочисленные сбои, мог явиться кто угодно, потому последствия сего действия бывали не предсказуемы и порой плачевны для столовертящего. Из-за этого медиумизм был признан занятием опасным, наподобие спелеологии или катания на неуклюжем большеколёсном велосипеде Старли.

Теперь же всё не так, слава науке! Заслуженный, заверченный, изрядно поцарапанный круглый стол был без жалости и сожаления снесён на помойку небритыми рабочими в синих комбинезонах; и вот уже полтора года Губернатор пользовался современным смартфоном с установленным на нём приложением «Почта духов», скачанным за 12,99 \$ со специального «Портала для Людей Высокого Положения». Пароль от этого специфического софта вручался через вполне осязаемого курьера лично, что редкость в наше время. От кого приходил пароль, спрашивать было не принято. Вот Губернатор и не спрашивал, предпочитая делать то, что положено, что всегда делали до него его предшественники. Да, собственно, и не у кого было поинтересоваться, кто обслуживает всю эту систему консультантов, советников и инструкторов, являющихся из ниоткуда и исчезающих в никуда.

Губернатор сидел в обширных креслах, что стояли в комнате отдыха, без пиджака, распутив галстук цвета «лосось» с камуфляжным рисунком (такую расцветку предписывала последняя мода). Рядом, на столике стоял полулитровый австрийский бокал с небольшим количеством белого крымского вина, входящего в рацион каждого человека, заботящегося о своём душевном и политическом здоровье. Губернатор уныло смотрел на соломенно-жёлтую жидкость, ощущая во рту кисломолочный вкус с металлическими нотками. Вино Губернатор не любил, а арманьяк в Крыму не делали.

Лежащий наособицу смартфон крякнул селезнем, напоминая, что через минуту – сеанс столоверчения. Можно сказать, что Губернатору повезло: дух, обычно являвшийся ему, был вполне адекватен и сносен. Он не прессовал без повода, не пугал, не издевался зазря, что не редко наблюдалось в соседнем регионе, но всегда деловито и чётко излагал программу на неделю. Задания были разные, порой странные, некоторые были нелепы и абсурдны, но Губернатор уже давно не задавался вопросами, как всё устроено, чем обусловлено и куда движется, поскольку ответы ему знать было не по чину, а самому догадываться – не с руки, можно и вконец запутаться. Рассказать двусмысленный, да что там – скабресный, анекдот на коллегии образования, вызвав прилив крови к голове у добропорядочных учительниц? Пожалуйста! Поведать о минипее у Булгакова на строительном совещании, вызвав оторопь у работников мастерка и рубанка? Легко! Дать надбавку пенсионерам одновременно урезав выплаты многодетным семьям во время праздничной речи ко дню мелиоратора? Как прикажете! Вот и вам теперь кажется, что все эти действия не имеют ни связи, ни логики, а всё потому, что человек, в силу ограниченности собственного опыта, не может постичь масштабного исторического замысла духовных существ, курирующих весь процесс. «Блаженна жизнь, пока живёшь без дум», – сказал некто древний. Вот Губернатор и не ломал голову, предпочитая универсальную реакцию – послушание.

Смартфон засветился, и на нём запустилось приложение «Почта духов». Хозяин кабинета потыкал в экран пальцем, набирая пароль, и переложил подготовленный заранее блокнот для заметок с дивана на стол. Программа завертела виртуальный стол и поверх картинки появилась надпись: «Контакт установлен».

Целую минуту ничего не происходило, что было весьма необычно. Демон Елизар, куратор Губернатора, всегда появлялся сразу, и немедленно называл кодовое слово, требуя отзыва.

– Рим! – Хрипло говорил служебный дух.

– Третий! – Отзывался спирит. Сеанс начинался.

Но сегодня всё шло не по сценарию. В растерянности Губернатор потянулся к смартфону, дабы потрясти его, чтобы исправить сбой. Но в этот миг в санузле раздался звон разбитого стекла, и кто-то закашлял. Привстав, растерянный духовидец, уставился на медленно открывающуюся дверь туалета. Из-за неё появился полупрозрачный дух в облике старого носатого человека с вытянутым лицом, в парике, красном жюстокоре эпохи рококо, белых кюлотах и чёрных туфлях с пряжками.

– Вы... к-кто? – от неожиданности заикаясь, поинтересовался Губернатор.

– Милстивсдарь, перед вами – я, то есть, Старик Державин... но можете звать меня Наместником, – широко, но не добро улыбнулся непрощеный гость, и с любопытством заозирался по сторонам.

– А! – Начал догадываться Губернатор. – Так вы за Демона Елизара?

– Ту или инде, но я здесь, – загадочно ответил дух.

– А где мой куратор? Занят?

– Дела особой важности! – Гость неопределенно покрутил пальцем в воздухе. Его старческий голос дребезжал, как стекло на ветру, однако полупрозрачный силуэт становился всё чётче, превращаясь постепенно во вполне себе материальную субстанцию.

Губернатор посмотрел на смартфон, пожал плечами и сел за стол.

– Я готов, диктуйте, Наместник, – сказал он.

– Что? – Гость растерянно уставился на раскрытый перед хозяином кабинета блокнот, а потом заходил взад-вперёд, не замечая стульев, ваз и статуэток. Вазы покачивались, но не падали.

– Добро, пиши! – Он, наконец, остановился, наткнувшись на подставку с ажурной кочергой, и та с грохотом упала на паркет. В комнату заглянул Помощник, огляделся, но, не увидев никого, кроме шефа, застывшего над блокнотом, удалился.

– Так вот, – Старик Державин поднял палец вверх. – Диктую. «Всех Аспазия милее, чёрными огней очами, грудью пышною своею она чувствует, вздыхает... вздыхает...»

– Аспазия? Через «а»? – Губернатор поднял глаза в недоумении. – Это как понимать, Наместник?

– Буквально!

– Можно подробнее?

Старик Державин переместился на диван, стоящий напротив и, взяв в руки бокал, опустил туда свой длинный гладкий нос:

– Трава, сенокос, анбары, какие-то утки, куры, зелёное яблоко, варенуха кислая. Да-а ... Что за мерзость?

– Крымское, – смутился хозяин кабинета, подумывая, не угостить ли гостя арманьяком 1967 года.

– Вотще, презорник! Князь Потёмкин делает зельную мадеру! – Загудел Старик Державин и смахнул бокал со стола. Драгоценное австрийское стекло звякнуло о стену, разлетевшись брызгами осколков. Губернатор вздохнул и вновь попросил:

– Поконкретнее, если можно! Не... не уразумел я.

Гость вновь поднял палец с полированным ногтем вверх и с выражением продекламировал:

– Если б милые девицы так могли летать, как птицы, и садились на сучках, я желал бы... желал бы...

– Это как же понимать? В сауну, что ли? – Губернатор весь сжался от предположения. – Вроде не девяностые годы на дворе? Ценности, семья, скрепы... Уж лучше Ницше процитировать на фестивале православных байкеров, как прошлый раз.

– Это так-то ты считаешь сигналы, скоблёное рыло? – Внезапно возмущившись, загремел дух, параллельно примеряясь, чего бы ещё разбить. – Тако ты дешифруешь намёки? Несмыслён и охален? А если мобилизация? Ишь, Ницше-хренище!

Но нанести дополнительный ущерб кабинету гостю не удалось, поскольку прямо перед ним поверх стола возник ещё один полупрозрачный дух, и, постепенно густея, озадаченно уставился на Старика Державина.

– Вон! Я – Демон Елизар! – Отчётливо проговорил новый дух и, обернувшись на Губернатора спросил:

– Что он тут наплёл?

– Да ничего особенного, – с облегчением выдохнул незадачливый медиум, понимая, что баня с чувственногрудыми Аспазиями отменяется.

– Ещё минута и звоню в Духнадзор! – Рывкнул Демон Елизар в лицо носатому гостю в парике, показывая пальцем почему-то на телефон, лежащий на столе.

– Ухожу, ухожу, – смиренно поднял ладони Старик Державин, постепенно исчезая. – Везде коррупция!

Демон Елизар опустился на диван. Вид у него был весьма потрёпанный: роскошные чёрные волосы свалились, из них торчала солома, белый вязаный джемпер был порван в нескольких местах и заляпан то ли чернилами, то ли кровью.

– Что это с вами? – Поинтересовался Губернатор.

– А, это... старый спор ортодоксов с анентимодоками, – махнул рукой Демон Елизар. – Вероломное нападение Доктора Сельдерея, бились на топорах и мотыгах три дня и три ночи без сна и ланча, потому и опоздал. Да ладно, хватит об этом. Одно запомни, но не записывай. Про коррупцию этот старый хрен в нафталиновом парике всё наврал. Нашим гирсом законно выигран тендер по вашей епархии, представленная программа самая патриотичная, цена почти дефолтная, работу сдаём в срок, нареканий не имеем. Они пусть на себя посмотрят! Канцлеру такую туфту подсунули, вся Европа уже стонет от смеха! А вот ты в следующий раз не забывай кодовое слово спрашивать.

Гость замолчал, размышляя о чём-то своём.

Пользуясь паузой, Губернатор встал и подошёл к окну. На противоположном конце площади, на балконе Областной Думы, прямо на перилах сидел носатый человек в нелепом одеянии, он болтал ногами и тихо курлыкал, корча в пространство рожицы.

– Ну, к делу! – Наконец произнёс Демон Елизар.

– Иду, иду, – глухо отозвался Губернатор, а сам не без удивления подумал: «Значит, и у них там всё как у нас».

Бокал Первый Игростое

Зарецк наверняка знаком вам по туристическим путеводителям, тем, что включают это старинное среднерусское поселение, приютившееся над крутым берегом Летки, в число самых значимых точек Деревянного кольца России. Городок славен своей затейливой бревенчатой архитектурой, резными наличниками на узких и высоких окнах домов и непередаваемой атмо-

сферой тихой провинции, где несколько раз в день, с точностью караула у дворца принца Монако, главную площадь города пересекают вереницы гусей в снежно-белом обмундировании и серых гвардейских фуражках. Да и вы сами, возможно, бывали в этом удивительном по красоте месте если не по делам, то в составе туристической или паломнической группы, или, в крайнем случае, проездом, путешествуя на юг России по железной дороге. Тогда на местной станции во время пятиминутной остановки вам обязательно предлагали пирожки, грушевые сладости и напитки: сидр или лимонад, варенье, джем или мармелад, или даже ароматный самогон, но этот – из-под полы.

А груши здесь растут превосходные и даже диковинные, благо климат и почва позволяют.

Многие заметят, что Зарецк, может быть, не так знаменит, как Ростов, Клин или Переславль, но тем не менее, он весьма популярен в качестве занимательного «туристического направления». Список достопримечательностей Зарецка и окрестностей не ограничивается старинным Предтеченским монастырём, Лесноозёрским скитом и домом-музеем поэта А. Д. Руно-Орошенского, воспевшего родной край «столь милый сердцу и очам». Большинство туристических объектов в городе так или иначе связано с грушей и разнообразными продуктами, приготовленными из неё.

Вот, открытый энтузиастами в начале девяностых годов Музей груши, например. Понимая скепсис читателя в отношении такого странного объекта изучения и экспонирования, приведу слова директора музея: «Лучше один раз откусить, чем семь раз послушать, а ещё лучше – и то и другое!» Экспозиция музея выстроена так причудливо, а экспонаты столь разнообразны, что к ним вполне применим девиз: «Увидеть историю Зарецка и России сквозь призму груши!» И не пожалейте небольшую сумму на экскурсовода, поскольку вдохновенный рассказ одной из трёх хранительниц грушевого наследия, способен выбить слезу ностальгического умиления и потаённой гордости за негибимый дух российской глубинки из самого сухого глаза.

Сейчас здесь более ста оригинальных экспонатов. В залах музея, например, представлены механические резалки и прессы конца девятнадцатого века, барочное кресло последнего из графов Пьяновых – Афанасия Аркадьевича, посадившего знаменитые сады, фотографии знатных садоводов двадцатых и тридцатых годов, автографы сидроваров-передовиков и личные вещи повидлоделов-новаторов. В отдельном стеклянном шкафу выставлена оригинальная бутылка из-под сидра, которая побывала на папанинской льдине. А вот другая – из партии напитка, поставленной в Кремль в 1938 году. И далее – этикетки, фотографии, юбилейные выпуски лимонада, сока, взвара, компота, повидла, джема, наборов сухофруктов и варенья, приуроченные к космическим полётам, великим стройкам, молодёжным фестивалям и Олимпиаде! А когда вы увидите умиленные этикетки с румянобокой грушей от знаменитого местного лимонада «Зарецкий Дюшес» дошедшие до нас из семидесятых годов, и делавшегося только на натуральном сиропе, в памяти сам собой возникнет образ тех не столь уж и давних времён, когда мы все были маленькими и жили в совсем другой стране, в другом городе и на другой улице. И в самом конце, как апогей экскурсии, – дегустация всего того разнообразия продуктов, которые можно произвести из сочных плодов грушевого дерева, и им несть числа...

Музей груши был открыт после смерти местного плодОВОДА-селекционера Ивана Аврелиевича Ветринского, в его доме по Степана Разина, 1. Знаменитому ботанику здесь была посвящена отдельная экспозиция, размещённая в переоборудованном сарае. Наибольшей популярностью в качестве экскурсовода среди гостей музея пользовалась одна из трёх хранительниц музея, а именно Ирина Львовна (ныне – директор), которую за глаза все называют живым экспонатом. Рано овдовевший и бездетный Иван Аврелиевич нашёл в хорошо образованной учительнице музыки Ирине Пушкиковой родственную душу. Они сдружились, несмотря на разницу в возрасте, часто пили чай под старыми деревьями, вели неторопливые беседы об искусстве, садоводстве и болезнях ног, скрашивая одиночество друг друга. Впрочем, по решительным

уверениям Ирины Львовны, их отношения никогда не омрачали низкие желания, и если возвышенный платонизм и любовь к прекрасному стали предосудительны, то люди сошли с ума.

Пересечение улиц Большой Грушевой и Стародубовской, что на Монастырской горке, тоже является своеобразной достопримечательностью Зарецка и именуется в народе «Хмельным перекрестком». Улица Большая Грушевая была именована так ещё в 19 веке, её название напоминало о садах, окружающих город и сочных плодах всех размеров и вкусов, которые они приносили. Малой Грушевой в городе никогда не было. Стародубовская улица носила имя воеводы Фёдора Стародубова, заложившему крепость Зарецк в середине 17 века и, протянувшись через всю Монастырскую горку, выходила к парку у реки, в котором уже в наше время установили памятник основателю города. Ранее эта улица носила имя славного красного комиссара, командовавшего подразвёрсткой в здешних краях, и прославившегося невообразимой жестокостью, но время предало забвению его имя, потому мы и не приводим его на этих страницах. А до 1927 года улица эта называлась Лавочной и сохранившиеся ещё кое-где сытые многооконные купеческие особняки с витринами магазинчиков на первых этажах, оправдывают это старое наименование.

Считается, что «Хмельным» знаменитый перекресток прозвали в пятидесятые годы двадцатого века, когда в угловых домах, его образующих, один за одним открылись вино-водочный магазин, типичная советская пивная для трудового народа, ещё – рюмочная, которую облюбовали местные служители муз и учителя, и, наконец, единственный в городе ресторан «Центральный» – удобный для свадеб и поминок. Если эти заведения и конкурировали друг с другом, то, само собой, не ценами, а мерой обшарпанности фасада, убогости интерьера и равнодушной, привычной грубости персонала (одинаково массивных, словно афишные тумбы, грудастых, большеротых и толсторуких Тётмаш и Тётльен).

Однако, стоит упомянуть и об изысканиях местного краеведа-любителя Юрия Карасикова, ради своего хобби оставившего работу врача-патологоанатома и с головой ушедшего в местные архивы, словно рыба в придонную тину. Он, подняв из забытых слоёв документального гумуса деловую переписку местных купцов, доказал, что прозвание «Хмельной» или, иначе, «Пьяный перекрёсток» было употребляемо в Зарецке ещё в конце 18 века, хотя ни одной корчмы поблизости не было. Всё дело в том, что из-за рельефа местности Большая Грушевая и Стародубовская выходили на перекрёсток на разных уровнях, а высота тротуаров над уровнем Летки на той же Стародубовской отличалась более чем на метр, поскольку улица шла вдоль склона. Добавьте к этому неумелое благоустройство и волнистую дорожную поверхность и получите картину, когда прохожий, попадая на пересечение этих улиц, не мог понять, где верх, а где низ, отчего и возникало у него неотвязное ощущение уходящей из-под ног земли, что типично для хмельного состояния.

Если пойти вниз по Стародубовской улице, у самого парка можно с осторожностью полюбоваться массивным двухэтажным краснокирпичным строением со стрельчатыми окнами. Это особняк купца Комиссарова, здание, имеющее дурную славу. Пока сам Егор Демьянович Комиссаров, владелец сидроварни, двух трактиров и популярного, но глубоко подпольного карточного клуба, был жив, всё обставлялось довольно тихо, как мануфактура, так и картёжные бои. Весьма передовой по тем временам человек, Егор Демьянович учил половых и крупье вежливому обращению, механизировал сидровое производство, следил за промышленными новинками. Технику использовали и для увеселений тоже. В подвале дома Комиссарова, говорили, была даже механическая русалка, которая работала от пружинного завода, двигала руками, хвостом и открывала рот, из которого лились нежные звуки, стоны и бульканье. Но после смерти купца единственный сын его следил за производством плохо, понизил зарплаты рабочих, вызывая их недовольство, завёл себе гарем под видом женского хора и стал проматывать состояние отца в картёжных баталиях и попойках. Он прокутил бы наследство вконец,

если бы не революция. Новая власть конфисковала дом со всеми механизмами, отдав его чекистам, заведшим там свои порядки. Судьба механической русалки до сих пор не известна.

Красный дом Комиссарова перешёл по прихоти истории комиссарам революционным, которые надолго обосновались в этих стенах. Страх перед новой опричниной был в народе так велик, что даже в шестидесятые годы, когда массовые аресты и расстрелы остались в прошлом, одинокие ночные прохожие слышали плач, стоны и холодящие душу вопли из его глубоких и обширных подвалов. То ли там продолжались заведённые ещё молодым купцом оргии, то ли эхо от криков невольников, замученных меднолицыми чекистами, никак не могло успокоиться, запертое в багровых стенах. Но самой ходовой версией стала та, что приписывала все эти звуки той самой жестяной русалке, замурованной в потайной комнате и еженощно вращающей хвостом и сучащей руками в жуткой темноте. Так или иначе, но призраки в особняке, принадлежащем ныне страховой кампании, по мнению народа, водились до сей поры...

Но проследуем же дальше. Быстро минуем широкую, мощёную булыжником ещё при последнем царе Большую Садовую улицу. Одним своим концом она уходит к Монастырской горке и стоящему на её вершине Предтеченскому монастырю, а другим – спускается к оврагу, за которым находится маленькая слобода в две улочки. Вот туда-то мы с вами и направимся, поскольку здесь начинается наша история.

Две кривых пыльных улицы за оврагом, застроенные столетними деревянными домами, в которых вечно пахло сыростью, кошками и лекарственными травами, были для Ярослава тем самым местом, которое принято называть «малой родиной». У каждого дома был обязательный палисад с мальвой и белой сиренью, кособокая скамейка, зелёная или коричневая, небольшой внутренний садик с несколькими плодовыми деревьями, среди которых всегда присутствовала знаменитая десертная груша Дуля, для многих ставшая символом Зарецка.

Улица Степана Разина (бывшая Малая Садовая) и перпендикулярный ей переулок Красных Зорь (бывший Складской) составляли отдельную экологическую и социальную систему внутри города. Отрезанная от остальной части Угольной горки глубоким оврагом небольшая территория была ограничена с севера и запада огромным колхозным садом. Восточная же часть выходила довольно крутым обрывом к Летке. Всё это создавало условия для того, чтобы местные жители почувствовали себя островитянами. Даже в моменты самого решительного противостояния подростковых группировок за главенство в городе («угольные» против «монастырских»), «разинцы» сохраняли нейтралитет.

На улице Степана Разина раньше было двенадцать домов, по шесть на каждой стороне, в переулке же – всего четыре, в одну линию, поскольку напротив них был сетчатый забор грушевого сада, где на кряжистых деревьях с густой кроной созревали знаменитые зарецкие груши. Конечно, Зарецк, будучи неофициальной грушевой столицей центральной России мог похвастаться обширными садами, раскинувшимися на десятки гектаров вокруг города. Но каждому было известно, что лучшие плоды растут здесь, за оврагом, потому что там микроклимат благоприятный и почва особая.

С Угольной горки в Завражье можно было попасть двумя путями: либо по пешеходному хлипкому мостику, называемому местными «Гнилым», выведившему в переулок, или же по мосту побольше, по которому могли проезжать автомобили. По мосту через овраг неторопливо, растерянно оглядываясь вокруг, шёл молодой человек, на вид около тридцати лет, в голубых джинсах, синей рубашке навыпуск и стоптанных кедах. Звали его Ярослав Хмелёв, и он провёл в доме по улице Степана Разина почти всё своё детство. Здесь он прожил до пятнадцати лет, пока его родители не получили квартиру в новостройке на Пролетарской улице. Когда-то дом под номером номер «2» по улице Степана Разина, как и все подобные строения в округе, крытый крашеным железом, был довольно приметным из-за резных наличников, ставенок и богатого фигурного подзора, вырезанных дедом Ярослава собственноручно. После смерти бабушки дом, державшийся из последних сил, за год обветшал, будто не видел смысла

в дальнейшем существовании, и Ярослав, скрепя сердце продал его вместе с землёй сидроварной компании бизнесмена Хохова, чтобы вырученные деньги вложить в свой собственный маленький винный клуб и магазинчик «Modus Vivendi». После смены хозяина дом был заколочен, начал протекать, дребезжать стёклами на ветру и рассыпаться. Ярослав не приходил сюда уже полтора года, но сегодня компания «Зарецкий сидр» расчищала площадку под строительство туристического центра с дегустационным залом, снося все дома по чётной стороне улицы, пустовавшие, как и номер 2 уже несколько лет.

Выйдя по Гнилому мостику в переулок Красных Зорь, Ярослав на секунду остановился у аккуратного зелёного домика лучшего друга детства – Кости Шилова, единственного из старой компании, кто жил до сих пор за оврагом. Пройдя переулок, он свернул направо, где в начале улицы Степана Разина стояли Зарецкий музей груши, а напротив – старый дом Хмелёвых с заколоченными окнами.

Снег уже растаял. Лишь под заборами, да по тёмным углам ещё прятались ноздреватые серые сугробы. Солнце светило во всю мощь. Прямо навстречу Ярославу, едва переставляя чересчур слабые и непослушные ноги, по щербатому тротуару двигался потрёпанный мужик в растянутых спортивных штанах, галошах на босу ногу и жёваной футболке популярного футбольного клуба, поверх которой был накинут сальный ватник.

– Послушай, добрый человек! – Ещё издали крикнул помятый прохожий, голос его звучал страдальчески, хрипло. – Ты не историк, часом?

Ярослав приблизился к нему и ощутил тухловатый перегар выпитого вчера самогона вперемешку с запахом пота, лука и самосада.

– Так ты историк? Вижу, что историк, вон, в очках. А то я было к Львовне сунулся, да там чёт закрыто... Гля, понедельник – выходной. Почему всегда по понедельникам!?

Мужик маялся и томился всем своим естеством, требовавшим «поправки», а потом и добавки. Запой, похоже начался недавно и стремительно выходил на свой пик, держа жертву за кадык железными пальцами. Но горе запою, когда деньги и запасы самогона заканчиваются так предательски рано, это знает каждый.

– Чего тебе? – Спросил Ярослав, смотря поверх головы мужика: не заработал ли стоящий у его старого дома ковшовый экскаватор, прибывший для сноса, но техника пока что вела себя смиренно.

– Купи рукопись! – Мужик поднял перед собой клеёнчатую пыльную сумку. – Сто долларов всего!

– Это почему – долларов? – Не понял Ярослав.

– Да, гля! За рукопись, если старинная, доллары платят, я точно знаю. А эта? Редкость. Архи-ло-гическая!

Последнюю фразу мужик произнёс с трудом и по слогам; но он надеялся, что его мучения вознаграждаются-таки звонкой монетой.

– Нет у меня валюты, – пожал плечами «историк», думая, как отделаться от прилипчивого торговца сомнительной стариной.

– Ну ты хоть взгляни от чего отказываешься! – Возмутился археолог, густо обдавая собеседника смрадом. – Наверняка учёная ценность, гля!

Он вынул из сумки что-то, размером с книгу, завернутое в вошённую бумагу. Сняв дрожащими руками несколько слоёв плотной упаковки, он явил на свет три старых тетради в картонных обложках, перевязанных кожаным шнурком. На верхней тетради химическим карандашом была нарисована кисть винограда и значилась надпись: «О жизни, виноградарстве и Великом Вине». Чуть ниже тем же почерком было приписано «1990 год. Б. Пехлевин». Ярослав дважды перечитал надпись на тетради и судорожно полез в карманы. Извлёк оттуда несколько мятых купюр, выгреб всю мелочь, а изнемогающий от зноя внутренней пустыни Индиана Джонс внимательно и настроженно наблюдал за действием. Потом он внезапно, будто стремительный

коршун, падающий с небес за добычей, вырвал из рук Ярослава бумажки, выклевал из ладони монеты, сунул ему в руки тетради вместе с рваной бумагой и покровительственно произнёс:

– Считай, повезло тебе, историк: Львовна, та сто долларов дала бы!

Следопыт развернулся в сторону моста и, будто моряк на палубе широко ставя ноги, двинулся, плавно ускоряясь, в сторону ближайшего магазина.

– Где взял-то? – Крикнул ему в вдогонку Ярослав, приходя в себя.

– А, так над оврагом домик есть старый, где виноград рос, там стена обрушилась. – Не останавливаясь, отвечал продавец рукописей. – Пошарил, думал – клад... Одни тетрадки, гля!

Домик над оврагом был одним из самых таинственных и манящих мест Ярославова детства. Чтобы добраться до него, нужно было дойти до конца переулка Красных Зорь, потом с невинным видом покрутиться рядом с оградой сада, делая вид, что ты интересуешься свисающими через забор тяжёлыми плодами (срывать их не запрещалось), всё это время наблюдая за окнами последнего в переулке дома, где жила одинокая тётка Савельевна. Если её сердитого и любопытного лица в белом платочке нигде видно не было, нужно было быстро нырнуть за край ограды сада и аккуратно, дабы не соскользнуть ногами, пройти метров пятьдесят по еле заметной, осыпающейся прямо в овраг тропинке. В том месте, где сетчатый забор переходил в дощатый, имелось отверстие, через которое вполне мог пролезть ребёнок лет 11-12, но не взрослый человек.

Лаз выводил на склон холма, заросший травой, среди которой торчали кривые и кряжистые виноградные стволы, толщиной в руку взрослого человека; вокруг нескольких лоз ещё остались трубы с обрывками проволоками, вероятно, предназначенные для подвязки винограда. За старым виноградником никто не ухаживал, но и не вырубал его, он доживал свой век в полном уединении и забвении людьми, занятыми добычей насущного хлеба. Территория размером с полгектара была огорожена со всех сторон и попасть сюда можно было только через калитку в саду или по секретной тропинке над оврагом. В самом низу пологого склона приютился небольшой домик в два окна, всегда заколоченных, с открытой верандой. Раньше, когда жив был Баграт Пехлевин, детям разрешалось играть на виноградниках, однако с 1991 года тот дом был заброшен. Взрослые с усмешкой поминали домик как «Шалаш Баграта», но Ярослав и его компания, со страхом и придыханием называли таинственным словом «Ковчег», сами не зная, откуда взялось и что оно в точности значит. Начитанный Вася Аннинский утверждал, что так называли кузницы, где ковали кандалы для страшных преступников – разбойников и маньяков. Ходить сюда строго-настрога не позволялось: взрослые не любят, когда дети лазают по заброшенным домам.

Но однажды, в разгар жаркого августа, преодолевая страх, вся банда «разинцев» в полном составе (сам Ярослав, Лёха Бормотаев, Олег Пехлевин, Лена Кац, Костя Шилов и Анита Смакова) пробралась внутрь Ковчега через заднее небольшое окно (верховодила, как всегда, Анита). Увы, внутри не оказалось ничего ужасного или таинственного. Только ряды пустых бутылок тёмного стекла вдоль стен, разохшиеся от времени дубовые кадушки, запылённый массивный пресс для винограда, заскорузлые книги и газеты с портретами Горбачёва, три выгоревших фотографии на стенах, колченогий стул и больше ничего. Ни кузнечного горна, ни наковальни, ни огромного тяжёлого молота, который обязательно должен был стоять в углу, ни колодок, ни кандалов...

Заработал экскаватор, выводя Ярослава из задумчивости. Рывками двигаясь, как механический космический пришелец после высадки, гусеничный монстр пополз в сторону дома его детства и без раздумья вонзил ковш в стык между крышей и стеной, прикрытый фигурным зубчатым подзором и надавил сверху вниз. Стена безропотно поддалась, осыпаясь вниз кусками досок, комками сухой глины, битыми кирпичами, крыша накренилась и стала медленно сползать на землю.

Внезапная догадка заставила Ярослава замереть. Немного подумав, он опустил глаза и, прижимая тетради к груди, пошёл в сторону домика Савельевны. Сама Неонила Савельевна, казавшаяся детям злой волшебницей, охранявшей таинственный Ковчег, была самой обычной пожилой женщиной, одиноко доживавшей свой век в ветхом домике с таким же точно палисадом, как и у её соседей.

Хмелёв открыл незапертую калитку и позвал:

– Тётъ Нила! Это я!

– Ярик? Ты чего? – Понеслось из открытой двери летней кухни, пристроенной прямо к дому. Оттуда же исходил резкий запах жареного лука. Савельевна, изрядно постаревшая и ссутулившаяся, но в таком же неизменном белом платке, завязанном на подбородке, выглянула наружу:

– Вот, щи затеяла. К обеду дочка Наташка приедет, да отца Артемия ждём. Юрочку помянем, годовщина у него.

– Вы Баграта, того, что виноград тут выращивал, помните?

– Оно конечно! Олешкин дед. Он Юрку моего всегда с собой в шалаш брал, он и помогал ему немного. Даже этикетки на бутылки разрешал клеить!

– А он вам ничего не оставлял перед смертью?

– Кто, Юрка мой?

– Да ну, старый Баграг!

– Как же, оставлял, – спокойно отвечала Савельевна, – восемьдесят бутылок вина своего, да тетрадки! Он ведь умирать не собирался в тот день. Было первое апреля, это я помню. Наташку в школу отвела, домой вернулась, на кухне хлопотала. Тут Баграг заглянул. Посидел, с Николаем моим покойным поговорил. А как уходить ему, говорит мне тихо: «Если что, Ненила, заведи себе вино, что в Ковчеге, в подполе лежит, и тетрадки тож заведи. А мне что-то душно, пойду на воздухе посижу». Пошёл в свой Ковчег, да прямо там ночью и умер: сердце. Утром его сторож заметил на крыльце, в кресле он сидел, сердце, говорю, остановилось...

– И что с вином? Вино всё выпили? – С замиранием сердца спросил Ярослав.

– Мы одну с Наташкой открыли, да не понравилось нам, керосином пахнет. Мы другим спасаемся, нам что покрепче... Николай покойный, правда, несколько бутылок вылакал с похмелья. А я ещё в том вине ноги отмачивала: пятки грубые, порепаются от земли, а я подержу, пополощу, да, гляди, лучше. А ещё пару штук рабочие употребили, что скважину налаживали.

– Все вино так ушло? – Оторопел Ярослав, представив, как пятки Савельевны отмокают в вине Баграта Пехлевина.

– Нет, бутылок двадцать. А три года назад какой-то лысый мужик тут ходил с фотоаппаратом, всё расспрашивал про виноградник возле Ковчеге. Узнал, что у меня вино осталось, сразу спросил: «Сколько стоит?» Я ему цену назвала, он тут же деньги вынул, не торговался даже, чудак-человек.

– Как он выглядел?

– Мужик тот? Лысый, говорю, как кавун, бородавка на губе.

– Местный?

– Нет, первый раз видела. И последний.

– Ну, хоть возраст какой?

– Да почём я знаю! Пятьдесят восемь бутылок купил, это я помню.

– Тётя Нила, ну хоть что-то осталось? – С отчаяньем в голосе спросил Ярослав.

– Одна в шкафу нашлась, внучок его забрал, Олешка, ещё в прошлом году.

– А тетрадки эти самые где теперь?

– Ну, где-то лежат, наверное, – растерялась старушка. – Юрка мой всё в начальника играл: возьмёт ручку, клей, тетрадки под мышки сунет и ходит. На виноградник ходил, вокруг шалаша всегда потопает важно, будто директор. Наташка его «Атаман из шалаша» дразнила...

Ярослав развернул тетради и показал Савельевне.

– Не они?

Та прищурилась, потыкала кривым пальцем:

– Может они, может нет, похожи, вроде... Ой, лук горит! – всплеснула руками та и исчезла в кухне.

Ярослав отвернулся и пошёл прочь, через Гнилой мостик в сторону Хмельного перекрёстка, что на Монастырской горке.

На Хмельной перекрёсток смотрели фасады четырёх старинных зданий постройки середины и конца 19 века, у каждого из них были скруглены углы и устроены обширные витринные окна. Они не имели архитектурных излишеств, их пологие крыши покрывала покоробленная от времени крашеная жёсть. В одном здании, самом старом и длинном на первом этаже расположился пивной ресторан Антона Сырникова «Кондиция», второй этаж занимали офисы. В доме по диагонали от «Кондиции», в обширном сводчатом полуподвале нашёл пристанище виски-бар и магазин крепких напитков Розена и Гильдеева над входом которого по ночам светились багровые буквы «Drum & Pipe», не приметные при дневном свете. Над ним, в деревянном первом этаже, за бамбуковыми шторами разместились низкие столики единственной в городе китайской чайной «Чай Ко Ши», основанной другом детства Ярослава, Костей Шиловым. Прямо за чайной над ажурным металлическим крыльцом сияла новенькая аппетитная вывеска «Авторский шоколад Даши Зарецкой», украшенная воздушными шарами, ибо сегодня, 23 марта, ожидалось открытие Дашиного магазинчика.

В самой низкой точке перекрёстка располагался обитый огненно-красным сайдингом алкомаркет «Жёсть и стекло», торговавший по большей части водочным контрафактом и дешёвым пивом, во двор этого магазина то и дело заезжали ржавые «Газели» с заляпанными номерами, и грузчики споро принимались за их разгрузку.

А напротив него, занимая лишь небольшую часть одноэтажного дома находился винный магазинчик «Modus vivendi», где работала команда в следующем составе: Лёха Бормотаев (директор и грузчик), его жена Лена Кац – (главный бухгалтер и уборщица), и Ярослав Хмельёв (кавист).

Было раннее утро, Ярослав шёл в чайную Кости, где к нему должна была присоединиться Анита Смакова. Дружеские завтраки Ярослава и Аниты в последние полгода заметно участились. И, хотя, количество пока не переросло в качество (оба они с трудом преодолевали инерцию одиночества) перспектива просматривалась хорошая, ясная. Напрямую это не говорилось, но как бы само собой подразумевалось, что Хмельёв вот-вот сделает ей соответствующее предложение и дело будет продвигаться к свадьбе. В детстве, когда в Разинской банде было всего две девчонки, почти все ребята – и Василий Аннинский и Олег Пехлевин, и сам Ярослав, были влюблены в Аниту. Её экзотическая красота действовала завораживающе на любого мальчишку, но никаких ухаживаний в тринадцать-четырнадцать лет быть не могло: вздыхали, рисовали в воображении романтические картины, и всё. И только Лёха Бормотаев как прилип с пятнадцати лет к Лене Кац, так и женился на ней почти сразу после школы.

Потом жизнь раскидала друзей: переезды, учёба, работа. А когда к тридцати годам они оглянулись вокруг, оказалось, что ни Ярослав, ни Анита, ни Олег семьи не завели. Василий в пожарном порядке нашёл жену перед самым рукоположением в священники: привёз из областного центра, где Тамара училась на регентском отделении семинарии.

Как-то самой собой получилось, что вернувшаяся два года назад в Зарецк Анита стала часто встречаться с Ярославом, открывшим магазинчик «Modus vivendi» в доле с Лёхой и Леной. Вокруг всегда крутился Пехлевин, заделавшийся модным винным писателем, экс-

пертом, алкоблогером и оказывавший Смаковой недвусмысленные, но несколько неуклюжие знаки внимания. Педантичный, даже немного занудный, внимательный к мелочам, обладавший феноменальной памятью Олег Пехлевин имел свою, авторскую методику дегустации и постепенно выходил на международную орбиту.

Ярослав вошёл в затенённый зал «Чай Ко Ши», единственного заведения на Хмельном перекрёстке, где можно было заказать завтрак аж с 8-30 утра. Ресторан Сырникова открывался в полдень, а виски-бар ««Drum & Pipe» так и вовсе в два часа пополудни. Популярная среди молодёжи «Субмарина» хоть и работала с самого утра, находилась слишком далеко от центра.

В чайной за самым дальним столом, отгороженным ширмой с журавлями, уже сидели Анита и Антон Сырников. Костя, облачённый в льняное ги светло-серого цвета, принёс чай.

– Константин! – Воскликнул Сырников. – Это что за настой лягушачьих шкур? От сглаза, что ли?

– Один из лучших улунов, те гуань инь, – смиренно кивнул головой Костя, ища внутреннего равновесия, которое всегда страдало под напором Антона.

– А мне нравится, – Анита любила чай больше, чем кофе.

– Вкус, послевкусие и действие хорошего чая Те Гуань Инь схоже с эффектом бургундского шардоне с его минерально-металлическими тонами и цитрусово-травянистым послевкусием, – тоном проповедника произнёс Шилов, – но при этом чай совсем не содержит алкоголя.

– А теин-кофеин? – Прищурился Сырников.

– А что кофеин? Знай меру, ищи гармонии, достигай положенного предела, но выходи за него.

– С вином это тоже работает, – кивнул Сырников. – Костян, я же помню, как ты подсел на чай. Великий и ужасный Дэн Калибанов – ресторатор и сомелье, автор книг, своё шоу на радио... Ты же у него учился искусству дегустации? А потом он взял тебя в Китай изучать местные терруары для шардоне и совиньона. Вместо трёх недель вы пробыли там три или четыре месяца, Калибанов обрил череп, пересел на чай, ушёл лысой головой в дхармачакру, быстренько достиг великого предела, заглянул за него мельком вернулся новым человеком. Чай-буддизм русского разлива.

– Да так и было, – не переменявшись в лице кивнул Костя, – путь извилист, колесо судьбы вращается.

– Ну, именно это ваш сенсей всем и рассказывает! Вперёд, бодхисатва! Красивая легенда у человека. На самом деле он спелся там с одной весёлой китайкой с американским гражданством, и они создали неплохой чайный бизнес, а вам он рассказывает, что занят поиском великого дикого белого чая, собранного при полной луне с дерева, выросшего после плевка Белой Тары и созревавшего в носках Далай-ламы... Он продаёт антураж, а не чай! Поверь, эти сухие листики уже давно не причём. А ещё он продаёт свою наглую харизму вашему извечному желанию поклоняться неведомому. Я был у него в магазине этой зимой: цены даже для столицы зашкаливают! Но больше всего удручает, что вокруг него вьются искательницы религиозных откровений для среднего класса, готовые платить за его проповеди, подчиняться и смотреть ему в рот. Йога, медитация, чай, йогурт, крепкие ягоды, плоский живот, гладкая карма без целлюлита – идеал духовности этих девиц. Но особенной духовностью выделяются женщины с одинаковыми маскообразными лицами, натёртые плацентарными кремами. А их стареющие папики покупают у Дэна коллекционные чабани, ублажая своих одухотворённых подружек, пропитанных ботоксом, улуном и соевым соусом. Наши православные священники им не нравятся, рылом не вышли, а чайный гуру, запустивший руку в их карманы, это то, что надо. Ты знаешь сколько у него стоит чайничек из якобы фиолетовой глины будто бы начала двадцатого века по слухам вывезенный из летнего дворца Пу И? Мой ресторан за полгода столько не приносит. И думаю, этот чайник он за десять долларов в Китае купил у старьевщика. Но я его не осуждаю, он торгует миражами и планомерно повышает самооценку клиентов, а им приятно:

мы не такие, как все прочие люди и готовы за это хорошо платить. Да я сам поступил бы также! Но ты зачем в это всё веришь?

– Ты всех подозреваешь в обмане, Антон! Это портит...

– Карму? – Засмеялся Сырников. – Ну ты, Шилов, ренегат.

– А ты, значит, нет? – Костя старался сохранять бесстрашие в этом вихре дхармы, создаваемым Сырниковым. – У тебя пивной ресторан!

– Я пью только вино, ты же знаешь, – перебил его Антон. – Пиво – это чистый бизнес. Я продаю то, что востребовано: у нас в большом зале стоят огромные стальные ёмкости, люди искренне верят, что там по чешским рецептам зарецкое пиво варится, мы даже приглашали знаменитого пивовара! Он лекцию читал, солод растирал, хмель на подносе выносил... Я всегда задаюсь вопросом: до какого предела можно вешать лапшу этим наивным понтоискателям? Вот в этой части я Калибанова понимаю! Может, и Дэн этот самый Великий предел глупости ищет, не знаю...

– Так ты пиво не варишь? – Костя был немало удивлён, а Ярослав покачал головой.

– А ты что, чай выращиваешь? Ведь нет? – Невозмутимо парировал Сырников. – Конечно же, мы возим словацкое пиво с заштатного деревенского заводика, это дешевле, а качество, кстати, высокое. А ещё мы ёмкости от аммиака взяли на распродаже, отмыли, трубки и манометры приварили, начистили, установили в пивном зале – народ приветствует эту инсталляцию! Можно подумать, ты не продаёшь какой-нибудь «молочный улун» с ароматизатором идентичным натуральному!

Костя смутился:

– Это красивая легенда, её приходится поддерживать.

– Ну! И я об этом: продавай, что покупают. Но ты – отступник. Променять шардоне на эту зелёную бурду? Да посмотри на себя со стороны! Ты чай описываешь через вино, только что сравнил этот тень-гуано с шаблями! А про пуэр рассказывал, будто он землисто-древесный чилийский карменер...

– Антон, оставь Костю в покое, тебя послушаешь, всё через вино получается. А то он из самадхи выйдет, нам мало не покажется! – Без улыбки на лице, то ли в шутку, то ли в серьёз сказала Анита. И то правда, в те годы, когда Хохов и Сырников открыли секции кун-фу, Костя был самым многообещающим бойцом, единственным, кто мог составить конкуренцию самому Антону.

Костя с растерянным видом обречённого, ведомого на казнь подлил себе перестоявшего чая и начал манипулировать с чашей справедливости и гайванем. Потом, взяв со стола чайник ушёл за новой порцией кипятка.

– Ты что пристал к человеку, – делая маленькие глотки из глиняной пиалы сказала Анита Антону. – Чай у него не плохой.

– Отличный у него чай, честное слово! – Сырников подлил себе в пиалу из гайваня и тут же начал пить. – Только я всякие искусственные навороты не люблю. Ладно бы он для посетителей это всё делал: шоу официанток в шёлковых ги, воскурение палочек из муравьиного дерьма, холмистые пейзажи с драконами, джонки с гейшами. Но сам-то он зачем погрузился в эту муть? Лубочным буддизмом от него за версту воняет. А ведь русский, православный человек! Я всю жизнь единоборствами занимаюсь, но клоуном не стал, и не стремлюсь к рисовой нирване, поскольку нам это чуждо по природе.

Анита, нарочито громко причмокивая, пила улун и исподлобья смотрела на Антона.

– А ты сам-то? – Вдруг хитро прищурилась она. – Коли природный русак – пей водку!

– Современная водка? Зло! – Парировал Сырников с холодной уверенностью. – Почему? Потому что рафинированный продукт, ректификат. В нём нет души, это алко-андроид. Вино – новая концепция здоровья нации, поверь мне как учёному, спортсмену и сомелье.

– А вот мы теперь заварим зрелый пуэр, – как-то виновато проговорил Костя, подходя к столу с полным чайником.

– Да-да, с ароматом итальянской сыровяленой колбасы и старого бароло, – кивнул Сырников. – Мы любим такое сочетание.

Анита тихо фыркнула, Ярослав тоже заулыбался и принялся за яйцо-пашот с овощами.

Через полчаса все разошлись и Ярослав остался за ширмой один. Он заказ ещё чаю и достал из сумки тетради, что приобрёл сегодня у «археолога».

«О жизни, виноградарстве и Великом Вине», – было написано на каждой из них, но чуть ниже стояли цифры 1 и 2.

Ярослав открыл первую тетрадь. Почерк Баграта, немного угловатый, крупный, плотно заполнял страницы, некоторые буквы имели завитки, напоминавшие выющуюся виноградную лозу, на первой странице были какие-то цифры, возможно, расчёты, далее следовало несколько пустых листов, между которыми были проложены красноватые пятипалые виноградные листья. Потом следовал короткий текст:

«Только служение Истине имеет значение. А ревностное, даже героическое следование пороку и заблуждению не имеет оправдания, поскольку не имеет конечной цели. Чем более бескорыстно и усердно человек следует по пути, ведущему его от Бога, тем более наглядной и поучительной является пустота его жизни, будь ты Бонапарт, Генеральный секретарь или обладатель несметных богатств».

Ярослав пролистал несколько пустых страниц и нашёл начало повествования. У окна чайной остановился белый «Кайен», из него вышел Иван Хохов и несколько минут разговаривал с высоким усатым человеком, видимо, директором магазина. Хмельёв закрыл жалюзи, чтобы не отвлекаться на уличную суету и углубился в трактат. Прошло всего тридцать минут, он на одном дыхании прочёл первую тетрадь, но так и остался сидеть в неподвижности, боясь пошевелиться, чтобы не расплескать появившееся вдруг в душе удивительно тонкое, возвышенное и незнакомое доселе чувство, более всего похожее на молитву без слов. Это новое ощущение следовало сберечь, сохранить, как хрупкую хрустальную фигурку ангела, подаренную ему на Рождество Анитой, и Ярослав сделал над собой невероятное усилие, пытаясь поймать и удержать это наитие. За окном раздались крики, топот ног, кто-то вскрикнул, как будто его ударили, но Ярослав усилием воли удержал внимание на своем внутреннем переживании, но оно ускользало, становилось эфемерным, оставляя лишь послевкусие, воспоминание. Сознание двоилось, душа разрывалась между суетой города и внутренней тишиной, зовущей куда-то ещё дальше. Он собрал волю в кулак и невероятным усилием постарался вернуть себе целостность, но внутри что-то вдруг зазвенело, лопнуло, а в голове запылал пожар и оттуда, как звери из горящего леса, побежали мысли и чувства. За окном раздались крики и захлопали двери автомобилей, но Ярослав уже перешел грань реальности и медленно сползал в белёсый блаженный туман, где не было ни мыслей, ни образов. Наконец, мир окончательно погрузился во тьму, а сам Ярослав, потеряв ощущение верха и низа кулём соскользнул со стула прямо на пол и мгновенно потерял сознание.

Дарья Уманская, хорошо известная в мире шоколадных плиток, меланжеров и эксклюзивных какао-бобов с горных плантаций как Даша Зарецкая с восьми утра была в магазине со всей своей роднёй и пыталась придать шарм почти восстановленному магазину, а на её круглом и обычно добродушном лице играла желваками та упрямая воля, которая являет себя только у загнанного в угол, но не сдавшегося человека. Её бледное лицо и покрасневшие, набухшие веки выдавали несколько бессонных ночей кряду, проведённых за обжаркой, меланжированием и формованием шоколада. Её помощница Катя буквально валилась с ног, изготовив за неделю десятки наименований авторского мармелада, эксклюзивного конфитюра, апельсино-

вых цукатов в глазури, красочных открыток из бельгийского шоколада с наклеенной на плитки тончайшей сахарной бумагой, на которой красовались виды Зарецка. Казалось, всё было против них, но они подгоняемые владельцем «Кондиции» Антоном Сырниковым, упрямо и молчаливо делали своё дело. Оставалось сделать большую шоколадную сову и можно было передохнуть, немного поразмышлять о том, что же на самом деле творится вокруг.

Казалось, далеко позади дикие девяностые, но стоит появиться на свет маленькому беззащитному предпринимателю, готовому печь булочки, выпиливать поделки, крутить из проволоки, ваять из глины, валять из шерсти, плести из лозы, как буквально из ниоткуда материализуется нагловатый джин стихийного капитализма и требует заплатить дань за факт своего существования. Так и Даша, не успела продать ни одной шоколадки, как уже попала под пресс, лишившись почти всего за одну ночь.

Хохов-младший, сын Ивана Ивановича, пришёл за целый месяц до открытия магазина к Даше и объяснил, что от неё требуется. Даша хоть и испугалась, но требования были столь удивительны и необычны, что она решила наудачу проигнорировать их, не сказав никому о визите Хохова.

А на седьмой день, когда до открытия оставались считанные часы, произошло очень пренеприятное событие. Даша пришла в магазин в семь утра, повозила ключом в замочной скважине, дверь была не заперта, она, недоумевающая, вошла внутрь и огляделась, не сразу осознав, что же изменилось в интерьере. Она хотела выйти на улицу, вдохнуть свежего воздуха и зайти снова, но тут её голова помимо воли закружилась против часовой стрелки, пол качнулся влево, словно палуба корабля в шторм, она схватилась за стену рукой, выронила сумку из рук и сползла спиной прямо по остаткам разбитой вдребезги витрины на пол, придавив телом картонную коробку с большой шоколадной совой, сделанной на заказ.

Даша сидела на полу посреди разгромленного шоколадного царства и остекленевшим взором и созерцала покосившуюся картину с изображением весёлого губастого негритёнка, несущего по дороге корзину с бобами. Эфиопский шоколад один из самых лучших, тонких и ароматных.

Сырников зашёл в магазин Даши, чтобы спросить, не нужна ли новой соседке по перекрёстку помощь старожилов и сразу сообразил, что тут произошло. Он помог Даше подняться, усадил её в кресло, ни слова не говоря, сделал две чашки кофе и поставил их на столик. Он поднял с пола разбитую сову из бельгийского шоколада, снял обёртку из фольги и откусил от неё голову.

– Даша, у тебя даже поделочный шоколад самый вкусный, – наконец сказал Антон.

– Я старалась, – сказала Уманская, ещё не придя в себя, но взяв из его рук сову, тоже откусила немного с задумчивым видом. – Детям нравится...

После кофе (Даша с трудом, но сделала пару глотков) они осмотрелись и поняли, что погубило всё: фигурный пряничный Зарецкий собор, юбилейные медали и шоколадные наборы; раздавлены коробки грушевой пастилы – в глазури, без неё, в кунжуте и орехах, разбиты банки с солёной карамелью, конфитюром и пастой. Магазин готовый к открытию, перестал существовать: всё погублено под напором варваров. Особенно жалко было смотреть на драгоценные плитки горького шоколада из эксклюзивных бобов Тринидада, Эфиопии и Никарагуа, поскольку они совсем потеряли товарный вид под подошвами ботинок хоховских громил.

Понимая, что Даша пребывает в шоке и делает всё автоматически, Сырников не пытался её утешать, а лишь деловито провёл уборку, удалил разбитые стёкла витрины и подмёл пол. Внутри его клокотал гнев, но он не подавал виду.

Два больших пакета с шоколадным ломом и разбитая витрина: убытки для миниатюрного магазинчика были фатальными.

Послу уборки Даша наконец поднялась из кресла, сунула пакеты с мусором Антону и сухо сказала:

– На помойку.

– Эдик Хохов? – Спросил Сырников, уже зная ответ.

Даша кивнула, поджав губы. Сама она тут же ушла в заднюю комнату закрыла дверь и оттуда донеслись всхлипывания с тонкими жалобными подвываниями.

– Это хорошо, значит, отходит, – сказал себе Сырников и, забрав мешки с раздавленным шоколадом и витринными стёклами, вышел из магазина.

У алкомаркета «Жесть и стекло» он увидел белый «Кайен» с номером 999, припаркованный прямо на тротуаре, прищурившись он смотрел на автомобиль, ощущая прилив ненависти. Ноги сами понесли его в сторону машины Эдика Хохова. Антон тяжёлым шагом подошёл к задней двери «Кайена», рывком открыл её и последовательно высыпал шоколадное месиво из обоих пакетов на мягкую белую кожу заднего сиденья. Переднее сиденье с огромным подголовником скрывало водителю обзор, он, не понимая, что творится, пытался обернуться, свеситься в проём, но Сырников захлопнул дверцу и стоя чуть сзади передней двери, постучал в стекло водительской двери. Человек внутри «Кайена» несколько секунд созерцал липкий мусор на заднем сиденье и пытался сообразить, кто же это такой дерзкий, что осмелился беспокоить столь наглым образом полновластного хозяина если не всего, то большей части города, в принадлежащем ему автомобиле. Он заглянул в боковое зеркало, он там были видны только клетки на серой рубашке наглеца. В конце концов стекло двери медленно поехало вниз.

– Какого...? – Донёсся сердитый голос из салона, но Сырников оборвал фразу. Он почти без замаха, умело выставляя вперёд набитые до дубовой твёрдости костяшки пальцев нанёс удар в едва приоткрытое окно по мелькнувшей внутри голове водителя. Под кулаком хрустнули солнечные очки и раздался удивлённый всхлип. Второй, ещё более безжалостный тычок, был произведён с опасным разрушающим акцентом, и если бы водитель не подался вперёд, то хрупкий скуловой отросток, едва защищающий край орбиты, был бы наверняка сломан. Но удар, на счастье обеих сторон, пришёлся в теменную кость и чиркнул по макушке. Пока стекло ехало вверх, Антон успел сунуть руку в кондиционированный сумрак «Кайена» ещё раз, чувствуя, что попал в угол рта, однако удар получился не сильный. Стекло закрылось и автомобиль завыл сигнализацией, а Сырников развернулся и пошёл в свой ресторан, ибо пришла пора готовить своё заведение к открытию.

Какое-то время он не выглядывал на улицу, совсем забыв о происшествии, занимаясь накладными и счетами на овощи, креветки и лосось и ругаясь с поставщиками вялой зелени. Но через два часа в ресторан пришёл Марс Гильдеев и подозрительно уставился на Антона.

– Хохов-старший в рыло получил от неизвестного Робина Гуда, – сказал он ухмыляясь.

– Как старший? – Изумился Сырников, и холодная струйка побежала у него между лопаток. – Я слышал, что Эдику перепало.

– Иван свет Иванович, он самый, – кивнул Марс, продолжая разглядывать Антона. – Сидел он в своей новой машине, никого не трогал, ждал директора магазина, на склад собрались, и тут такой наезд! Давненько Чугунок не огребал, с девяносто пятого. Вот дела!

– Да как же так? – Растерялся Антон, не понимая, как он мог ошибиться. «Кайен» Хохова-младшего был слишком приметен, чтобы его перепутать с чем-то ещё.

– Так ты не знаешь, кто это так изумил народ? – Спросил Гильдеев, в упор рассматривая Сырникова. – Говорят он в серой такой рубашке был, в крупную клетку.

– Без понятия! – Мотнул головой тот, наконец, осознавая, что попал в переплёт. – Но я заметил, стоял тут «Кайен» Эдика...

– Ан, нет, – покачал головой Марс. – Это машина старшего Хохова. У них и цвет и номера теперь одинаковые – три девятки, только буквы отличаются. Уже месяца два, как Иван Иванович свой «Паджеро» продал.

Антон промолчал, продолжая судорожно размышлять.

– Ну, я пойду, – сказал Гильдеев, зачерпнул из чашки, что стояла на столе, горсть солёных орехов, и вразвалку удалился.

Минут тридцать Сырников ходил по своему небольшому кабинету, тормоша редешую шевелюру, спонтанно молясь и изредка ударяя себя по лбу. Наконец, он снял свою приметную клетчатую рубашку и засунул глубоко в шкаф, натянул застиранную футболку с логотипом своего ресторана, посмотрелся в зеркало и понял, что это не поможет: пройдёт ещё пара часов и его раскроют. Выход из ситуации напрашивался только один. Он взял телефон, нашёл номер Довганюка и нажал на вызов:

– Максим, доброго здоровья тебе, друг!

– О, Антоха! – обрадованно загудел голос в телефонной трубке. – Где ты пропадал, как же я рад тебя слышать!

– Макс, ты шоколад любишь? – Спросил Сырников.

– Я? – Удивился голос. – Вот это заход! Нет, это не мой продукт, я Бордо люблю, лучше Сент-Эмильон или Пойяк, но ты же знаешь, жена моя и дочка Настя по нему просто с ума сходят. Даже коллекционируют, сладёны!

– Макс, а ты знаешь, где делают лучший в стране шоколад?

– Где же?

– У нас в Зарецке!

– Ух ты, это ещё как? – С сомнением произнес Макс.

– Великая шоколадница Даша Зарецкая! Это имя ты слышал?

– Да, от Женьки слышал. Так это ваш что ли Зарецк? – Оторопел Макс. – Даже не подумал бы!

– А то, – гордо сказал Антон. – Через неделю, в субботу, открытие авторского магазина Даши. Будет эксклюзив, штучный товар и коллекционные наборы. Приглашаю!

– Вот это заход! А шоколадная сова будет? Да? Жена с дочкой с ума сойдут от счастья! Конечно, приедем, старые времена вспомним! Эх, жаль я теперь не пью, только немного вина, но в честь такого дела... А помнишь, как ты меня с поля боя вынес?

– Ладно уж, давно это было, – скромно сказал Антон, порадовавшись, что старый друг не забыл то, что нужно. – А сова будет такая, что сами ухнете!

– А я как сейчас помню те времена, и кроссовки храню, – сказал Макс, хотя в момент выноса с «поля боя» он был мертвецки пьян и вряд ли воспринимал реальность адекватно. – Ну, жди всё наше семейство, замётано, сову готовь! В пятницу вечером буду. Вот это заход!

Они распрощались и Сырников с надеждой и тоской посмотрел в окно: дверь шоколадного магазина была приоткрыта и ветер колебал её из стороны в сторону. Он открыл старый сейф советских времён, что стоял в его кабинете и вынул оттуда пачку денег, перетянутую резинками. Эта сумма была отложена на смену столов в главном зале, но теперь её предстояло инвестировать в собственные жизнь и здоровье через шоколадный бутик. Антон вернулся в Дашин магазин и застал его хозяйку в полном унынии. Он опять сделал кофе себе и ей, поскольку надо было чем-то занять руки, и сказал уверенно:

– Дашка, подбери сопли. До следующей субботы ты должна сделать эксклюзив, штучный товар и коллекционные наборы. В достаточном количестве!

– Нет у меня ничего, – всхлипнула та, глядя в пол остекленевшими, но уже сухими глазами.

– Какао бобов нет? Меланжера нет? – Внезапно вспылел Сырников. – Рук нет? Нос не чувствует запахов? Ты чего вообще!? Легко сдалась легко на радость этому хорьку!

– А это как же? – Она обвела взглядом разгромленный магазин.

– А это – вот, – и он положил деньги перед Дашей. – И шоколадную сову не забудь! А то московские гости будут разочарованы.

Антон встал и пошёл к выходу.

– Но Хохов! – Воскликнула Уманская ему в слет и её курносый нос покраснел ещё больше, приобретя сходство со спелой сливой.

– Он извинится, – не оборачиваясь сказал Сырников сквозь зубы, оставив недоумевающую Дашу с пачкой денег и недопитым кофе в её разгромленном магазине.

– Какие такие ещё гости? – С отчаяньем бросила Даша вслед ему. Но Антон уже вышел на улицу. Главное теперь, чтобы Довганюк не подвёл.

Старый товарищ Сырникова Максим Довганюк за время, прошедшее после окончания аспирантуры по спортивной физиологии, значительно изменился во всех отношениях: вырос в авторитете, в должности, в объёме талии, да и просто сал богатым человеком. Сейчас он возглавлял столичную федерацию лёгкой атлетики, значился хозяином пары серьёзных фирм типа «Юридическая и охранная помощь бизнесу» (в таких организациях работал обычно один юрист и несколько десятков спортсменов, отставных военных и даже бывших боевиков из старых группировок), женился на дочери московского функционера от спорта, курировавшего допинг, фармакологию, медицину и реабилитацию, открыл для супруги сеть фитнес-салон «АТФ» (название, с одной стороны, отсылало к научному прошлому Довганюка, которым он очень гордился, а с другой означало ничто иное, как «АТлетические Фигуры»). Максим был вхож в Олимпийский комитет, имел подряды от Минспорта, регулярно выезжал на охоту с сотрудниками антидопинговой лаборатории, высокопоставленными чиновниками из столичной мэрии и правительства области.

И пусть с тех времён, когда Максим с Антоном были подающими надежды учёными, минуло уже более двадцати лет, а Максим Довганюк был теперь птицей высокого полёта, время учёбы в аспирантуре он вспоминал с умилением и ностальгией.

В группе аспирантов Лаборатории спортивной физиологии мышечной системы профессора Гоголи их было пятеро: сам мастер единоборств Антон Сырников, второй – сложенный как молодой античный бог пятиборец Максим Довганюк, и с ними три аспирантки. Первая – высокая, смешливая и глуповатая волейболистка Маша, вторая – молчаливая и склонная к чёрному юмору пловчиха Майя с непомерно широкими плечами и узким тазом, а также миниатюрная, сухонькая, со старообразным сухим личиком Бенджамина Баттона молдованка Марика из-под Кишинёва с нелепой стрижкой под мальчика, постоянно взмахивающая своими костлявыми загорелыми руками, прочерченными стрелами тонких сухожилий. Марика легко пробегала марафон на нормативы мастера спорта и была кандидатом в сборную республики. Из всех пятерых по-настоящему склонен к науке был только Сырников, остальные же с трудом продирались через дебри АТФ, креатин фосфата, дыхательного цикла клетки и дистресса.

В тот слякотный сентябрьский день отмечали удачную предзащиту кандидатской диссертации Довганюка. Сначала пили молдавское вино из 12-литровой пластиковой канистры, привезенное Марикой из родного совхоза. Вино, особенно мужчинам, казалось водянистым и не забористым. Но выпитое в конце концов возымело действие. Девушки одновременно отключились через два три и напоминали бледных поверженных валькирий, павших на поле боя промеж удивлённых ратников. На это молодой учёный Сырников справедливо заметил, что вид спорта, похоже, не влияет на скорость наступления и глубину алкогольного сна. Спортсменок пришлось разнести по комнатам и если Марикой было нести легко, она была компактной, легко складывалась, и не имела выступающих частей тела, то двухметровая Маша доставила хлопот, поскольку вписать в повороты её было трудно. Майя дошла, а скорее доплыла сама, не осознавая, где находится – на суше или в бассейне.

Казалось, что пора прекращать праздник, но Довганюк достал 250 – граммовый пузырёк спирта, которым его снабжала застенчивая лаборантка Женя, имевшая на Макса виды, и они с Антоном выпили его почти весь на двоих, разведав водой два к одному. Точнее, Сырников выпил граммов сто пятьдесят смеси, остальное – Довганюк.

Наконец, наступила та стадия опьянения, когда внешняя реальность перестаёт иметь значение, а слышны только шумы далёкого аэропорта в голове: то рёв самолётных двигателей, то стрёкот вертолётных винтов. Внезапно и Максим встал и вышел в коридор, ничего не сказав товарищу, видимо, объявили посадку на рейс. Сырников послушал гул взлетающего в голове ТУ-134 и задремал, привалившись спиной к голой стене, на которую был приклеен обшарпанный плакат «Bad Boys Blue».

Обладатель чёрного пояса, кандидат в мастера спорта и многообещающий спортивный физиолог легко сохранял равновесие в любом состоянии, в армии научившись спать даже стоя на одной ноге. Через два часа Антон проснулся, чувствуя, что самолёты утомонились, и забеспокоился исчезновением Довганюка. Сырников ходил по коридорам общежития, заглядывал во все комнаты, но никто не видел Максима и не знал, куда он мог пропасть. Из аспиранток удалось разбудить только молдованку-марафонку, но она густо дышала перегаром, тарасила безумные глаза и невнятно бормотала ; остальные попросту не проснулись. Антон в тревоге вышел на улицу и стал ходить вокруг общежития. Предчувствия были самые нехорошие и они в итоге не обманули.

Покружив у мусорных баков, Сырников увеличил радиус поиска, выйдя к автобусной остановке. Вокруг никого не было, сумерки ложились на город, вновь собирался дождь. За остановкой, метрах в трёхстах был небольшой пруд, на котором, встречая утреннюю зорьку, сиживали местные рыбаки, к водоёму через плотные заросли кустарника и ольхи вела скользкая тропинка. Антон осторожно пошёл по ней, почти сразу увидел лежащую в луже знакомую красно-белую кепку с надписью: «Чемпионат Подмосковья по лёгкой атлетике» и ускорил шаг. В ту эру, когда сотовые телефоны были размером с кофеварку и появлялись лишь в кадрах американских боевиков, пропавшему, заблудившемуся или потерявшемуся человеку некуда было позвонить, чтобы высказать всё, что о нём думаешь. Потому в поисках приходилось полагаться лишь на чутьё, которое обострилось и подгоняло Антона к пруду.

Пройдя метров сто по тропинке, Сырников услышал в зарослях возню и глухие голоса. Он вернулся немного назад и обогнув мокрые кусты тихо пробрался к клёну, за которым лежала округлая утоптанная поляна с разложенными четырёхугольником брёвнами и старым кострищем посередине; он незаметно выглянул, чтобы высмотреть происходящее. На поляне, прямо на земле, привалившись к кряжистому стволу осины сидел человек, и это, несомненно был Довганюк, хотя и очень потрепанный. Пятиборец был грязен настолько, что синие спортивные штаны и белая мастерка с надписью «Спорт» приобрели одинаково чёрный с разводами цвет, из его носа текла красная струйка, которую несчастный Макс размазывал тыльной стороной левой ладони по залепленному глиной лицу, иногда сплёвывая красноватые слюни себе на грудь, правая рука висела безжизненной плетью. Вокруг него расположились три тёмные фигуры. Одетые в одинаковые стоптанные кроссовки, чёрные бесформенные трико с серебряными полосками и короткие коричневые кожаные куртки, они почёсывали бритые головы и смотрели тяжёлыми взглядами маленьких серых глаз на жертву.

Понятно, смекнул Антон, Макс спяну заблудился или свернул в кусты по малой нужде, а тут его подхватили эти шакалы и собираются грабить. И действительно, один из гопников присел на корточки возле Довганюка и стянул с его ног новенькие кроссовки «Пума», выданные на международных соревнованиях Легкоатлетической Федерацией. Под кроссовками оказались снежно-белые носки, так контрастировавшие с окружающей грязью.

– Крутые тапки, – растягивая гласные сказал второй шакал. – Глянь, Жир, кошель есть у него?

Первый шакал похлопал Макса по карманам и вяло произнёс:

– Пустой, сука.

Потом встал и резко ударил Довганюка ногой в живот. Конечно, Макс был атлет и даже мастер спорта, его тело состояло из сильных, хорошо прокачанных мышц, крепких связок и

упругих сухожилий, но он был настолько пьян, что вряд ли мог держаться на ногах самостоятельно. Он даже не напряг мышцы пресса, чтобы они приняли удар на себя, и его печень, селезенка и поджелудочная железа были совершенно беззащитны.

Тот, кого называли Жир, достал сигарету и закурил. Затянувшись, он с короткого замаха вновь ударил носком ноги в солнечное сплетенье Максу, тот издал странный кудахтающий звук, а трое его мучителей громко заржали.

Похоже, они никуда не торопились и помимо грабежа, их занимало нечто другое. Шакалы собирались развлечься избиением беззащитного человека, искалечив его, а то и лишив жизни. Сырников знал о таких случаях: газеты с ужасом писали об участвовавших жестоких издевательствах над одинокими пьяными людьми, не могущими дать отпора, и быстро составил диспозицию боя. Служба в советских десантных войсках не прошла даром: Антон научился не терять голову в сложной боевой обстановке, действовать как силой, так и хитростью, использовать подручные средства и не бросать боевого товарища в беде. Он постучал кулаком по пояснице, призывая свои надпочечники поделиться с организмом запасами адреналина, поднял с земли небольшой кусок кирпича с острым краем, оценил запасы АТФ в мышцах и ацетилхолина в синапсах и шагнул из укрытия на поляну: глазомер, быстрота, натиск!

Решительным шагом Сырников направился к Жиру, примерявшемуся в тот миг, куда-бы теперь приложить побольнее терпиле в дорогом спортивном костюме, и громко сказал:

– Оставь бомжика в покое!

И услышал, как дрожит от воинственной решимости и возбуждения его собственный голос.

Удивлённое лицо с маленькими и круглыми как две копейки мутными глазками быстро обернулось в сторону незваного гостя, к нижней губе был приклеена сигарета.

Ударом кирпича Антон попытался вогнать тлеющий окурочок вместе с верхним передним зубом прямо в расселину рта того, кого звали Жир, но тот проворно прикрылся рукой.

– Быстрота, – выдохнул Сырников и метнулся в сторону двоих других волков. Ближний из них, с тяжёлыми надбровными дугами и белёсым шрамом на бритой голове уже достал из кармана нож с длинным и узким лезвием и двинулся вперёд, вода им по сторонам.

Показав, что будет двигаться влево, чем дезориентировал соперника, Антон ушёл вправо и вниз, присел и резко провёл подсечку под ноги противника: это было не трудно. Удивлённый шакал неуклюже шлёпнулся на спину, но нож не выронил.

– Глазомер, – рявкнул аспирант и увидел, что на него движется третий противник, самый крупный.

Стремительно вскочив на ноги и едва не потеряв равновесие (остатки вина в обнимку со спиртом ещё бродили по организму), Антон замахал руками как мельница, завертел головой будто киношный Брюс Ли, потом подпрыгнул и развернулся в полёте, на удивление чётко приземлившись на полусогнутые ноги. Всё эти действия были бессмысленны, выглядели нелепо и даже комично, но неожиданно произвели впечатление на третьего шакала, самого главного, и он, обежав непредсказуемого соперника по краю поляны дал сигнал к отступлению. Этих троих, как некогда следователей НКВД, привлекала и возбуждала беспомощность жертвы, и они оказались не готовы к сопротивлению даже одного человека. Через минуту двое, подняв Жиру, сплёвывавшего крошки табака, осколки зубов и кирпича, ломались через кусты в сторону улицы.

– Натиск, – устало произнёс Сырников и в изнеможении сев на землю, посмотрел на совершенно пьяного товарища, улыбавшегося разбитыми губами.

Тащить восьмидесятикилограммового атлета Довганюка на себе до остановки оказалось делом настолько сложным (разница в весе составляла почти двадцать килограммов), что Антон думал, не бежать ли за подмогой. Макс был в стельку пьян и ему, видимо, выбили правый плечевой сустав, а ещё повредили кости стопы, отчего он не мог идти, и даже стоять вертикально,

так что его пришлось тащить волоком прямо по грязи за здоровую левую руку. Уже запихивая пятиборца в старые Жигули, которые на счастье тормознули почти сразу, Антон услышал его первые слова. Шамкая кровавыми губами, Довганюк озабоченно сказал:

– Крошовки. Кро-шовки фодбери, а то Пафыч... уфьёт, если посеряю.

В больнице, понимая, что скрыть алкогольное опьянение (за такое легко можно и из аспирантуры вылететь) – «важнейшая задача на данном этапе» (любил Сырников в те времена чёткую военную терминологию), Антон сразу взял в осаду лечащего врача, который вполне удовлетворился условиями мирного соглашения, в виде привезённой Марикой канистрой молдавского вина (того самого, с которого и началась вся заварушка) и в истории болезни отметил только трещину плечевой кости справа, перелом кубовидной кости левой стопы, множественные ушибы мягких тканей лица и сотрясение мозга легкой степени тяжести и несколько ушибов мягких тканей в области живота. Все внутренние органы железного пятиборца были целы. Узнав, что всё обошлось, Антон впервые за многие годы истово перекрестился.

Уже утром следующего дня Марика, Антон и лаборантка Женя сидели в палате у Довганюка и тихо смеялись над старыми анекдотами. Макс, весь в бинтах, морщился при смехе от боли, и всё время пенял Сырникову, что тот его называл бомжом, на что Женя пару раз замечала, что если и бомжик, то самый красивый и благородный. А тот смотрел на неё не отрываясь и, видимо, переосмысливал какие-то важные вещи.

...Время шло своим чередом и, вернувшийся к жизни и тренировкам Довганюк, через полгода защитил диссертацию, совсем бросил пить и женился на той самой Жене, отец которой, человек очень серьёзный, сразу включил зятя в околоспортивный фармацевтический бизнес. А ещё через месяц развалился Союз, закрылась Лаборатория, навсегда уехал в США профессор Гоголя и началась Эра первоначального накопления капитала, вознесшая некоторых, как и Максима, на столичные высоты, а иных утопившая в болоте провинциальной нищеты. Антон тоже успел защитить диссертацию, удачно женился, но, устав бороться с произволом, полубандитским хаосом и своей невостребованностью в столице, вернулся в родной Зарецк. Через пять лет судьба свела старых друзей при очень неожиданных обстоятельствах.

В Зарецке упрямый Сырников решил зарабатывать тем, чему посвятил многие годы, а именно спортом, и открыл зал Восточных единоборств на Пролетарской улице, в бывшем клубе Завода безалкогольных напитков. В большинстве своём в это время все подобные спортивные клубы служили поставщиками боевиков для силовых группировок с экономическим уклоном, и местный рэкетир Иван Хохов сразу же заинтересовался предприятием Антона.

Сам Хохов-старший, был первым человеком, создавшим в 1985 году в Зарецке полуподпольную секцию «боевого кун-фу», на основе которой он в девяностом году сформировал летучий отряд рэкетиров, после чего секцию закрыл за ненадобностью. «Крышевать» пытались всех подряд, от обанкротившегося молокозавода до уличных старьёвщиков и не всегда удачно. В городе до сих пор помнят туповато-жестокую и при этом весьма комичную банду с низкорослым, бритым на лысо Ваней-Чугунком во главе. Параллельно Иван Иванович, читавший в детстве единственную книгу про пионера Тимура и понимавший, что так, как сейчас, жить стыдно, продумывал варианты для отступления в более-менее легальный бизнес, каким бы оксюморонам в те годы это не звучало. В девяносто четвёртом он бросил пробный шар – заполнил город и окрестные селения разлитыми по хлипким бутылочкам шампунями и гелями из серии «Дикая ягода». Запах от содержимого пузырьков исходил такой крепкий и противоречивый, что во время принятия ванны казалось, будто где-то неподалёку медведь навалил в лесной малинник. Через год в городе появилась дешёвая водка с северного Кавказа, весь её поток также контролировал Хохов. В начале нулевых он открыл первый фирменный алко-маркет «Жесть и стекло» и уже не Хохову платили за крышу, а он отвозил в определённое время круглую сумму высокопоставленным людям в погонах, не забывая поздравить на все праздники также прокурора и арбитражного судью. Теперь у него был легальный бизнес, а

сам Иван Иванович стал бизнесменом и метил в депутаты, куда в итоге и пробился. Одновременно (и, видимо, негласно соревнуясь) с местным джинсовым королём Николаем Кобецким он построил громадный особняк, который, как и большинство феодальных замков той поры был уныл и не пригоден для жизни, поражая лишь размерами и вычурными башнями. Почти все подобные жилища девяностых были со временем оставлены людьми, их обладатели переселились в современные дизайнерские дворцы, оснащённые по последнему слову техники, а по пустым залам краснокирпичных построек бродили тени братков, не доживших до светлого депутатского настоящего.

Сын Хохова-старшего был не такой. Ровесник Хмелёва, Пехлевина и всей разинской банды, Эдик Хохов, с медицинской точки зрения был классическим эпилептоидным психопатом, с бездной обаяния, но не знавшим жалости и сочувствия, и, в отличие от отца, обладавшим высоким интеллектом, показным эстетством и склонностью к манипулированию людьми. Незаурядным умом он был обязан своей матери, которая происходила из разветвлённого семейства зарецких партийных функционеров, за годы советской власти выработавших характерный аристократически-чиновничий стиль жизни со всеми необходимыми атрибутами типа мейсенских сервизов, библиотеки мировой литературы, прислуги, заграничных вояжей и репетиторов для единственного отпрыска.

А тогда, весной девяносто первого, Иван Иванович пришёл в спортивный зал Сырникова со своим шестнадцатилетним сыном (постепенно входившим в дела отца), двумя телохранителями и потребовал, помимо ежемесячной платы, ещё и бесплатно тренировать своих новобранцев, обучая их уличному бою. Сырников, погрузившийся в пучину долгов и пахавший как вол, чтобы обеспечить семью, возмутился, вскипел, дело дошло до взаимных оскорблений. Телохранители вышли вперёд, а Антон кричал, вызывая на честный бой Хохова-старшего. Но никакого боя не было, Хохов увёл своих людей, на ходу бросив, что ждёт ответ через неделю. В эту же ночь сгорели старые «Жигули» Сырникова. Милиция составила акт, что в автомобиле замкнуло проводку, но Антону было ясно, чьих это рук дело.

Понимая, что отступить некуда, Сырников подумывал уже было согласиться с требованиями рэкета, но прошла неделя и Хохов не появился. Прошло ещё три дня, и Сырников узнал от ребят из клуба, что Ваня-Чугунок внезапно был вызван в Москву к сочень серьёзным людям и что у него самого крупные проблемы. Оказалось, что, накопив первоначальный капитал, Иван Иванович решил распространить своё влияние на Москву и Подмоскowie и, не взвесив последствия, открыл в Химках два охранных агентства «Защита Х» и «Защита ХХХ», а также склад безакцизного табака, а ещё (совсем не подумавши) и подвал с контрабандным анаболическим спортивным питанием. Крышевать он задумал себя сам, через эти самые агентства, но не тут-то было. Спортивные анаболики уже давно курировала команда доцента Киреева с серьёзными силовиками в составе. Сам Григорий Алексеевич Киреев к тому времени стал необыкновенно влиятельным человеком в мире спортивной фармакологии, а ещё он был тестем Максима Довганюка.

В наказание за наглое вторжение в чужой бизнес московский «совет» решил конфисковать у Хохова все склады с их содержимым, автомобиль Мерседес и особняк в Заречке. Максим, ставший правой рукой Киреева, был отправлен на берега Летки для наведения там порядка и оформления передачи огромного хоховского дома.

... Старые друзья уже три часа сидели на открытой веранде лучшего городского кафе «Субмарина» и пили настоящее бордо, о котором Сырников мог раньше только читать во французских романах или у Пушкина. Шато Дуази, Шато Курбаньё, Анжелюс, Ле Клементен! Эти названия звучали как привет из иного, фантастического мира; бутылки со строгими этикетками привёз с собой Довганюк, заделавшийся ценителем хороших вин с подачи своего тестя, объехавшего весь мир и бывшего записным франкофилом. Теперь и Максим возил хорошее

вино с собой всегда, когда приходилось ехать в провинцию. Они с Антоном посмеялись, вспомнив канистру молдавского «сушняка», и Максим сказал:

– У меня ведь дома «Шато Озон» припрятано, три бутылки восемьдесят второго и две – девяносто шестого года. Приезжай, Женька рада будет, разопьём мою коллекцию. А то мои друзья либо водку, либо текилу предпочитают. С солью.

Тут Сырников достал из-под стола клеёнчатую сумку и извлёк из неё газетный свёрток.

– Тебе, – сказал он просто.

Довганюк развернул газеты и извлёк на белый свет пару снежно-белых кроссовок Пума дизайна конца восьмидесятых годов.

Через пару минут Максим плакал светлыми слезами и без конца хлопал по плечу Сырникова. Эти кроссовки, такие же, как были на ногах Довганюка в тот злополучный вечер, Антон извлёк из старого чемодана, где хранил ненужные вещи. Он так и не одел их ни разу, привёз из столицы в Зарецк и надолго забыл об их существовании. И пусть они были на два размера меньше ноги Довганюка, теперь они были орошены слезами ностальгии и благодарности, после чего друзья заказали бутылку водки и варёные яйца под майонезом. А ещё Максим сообщил, что его тренер, Палыч, умер от цирроза печени, и они выпили за упокой его души, хороший был человек.

Тут-то Сырников и рассказал старому товарищу о проблемах с Хоховым, на что Довганюк только загадочно улыбнулся и поманил пальцем одного из своих телохранителей, с отрешённым видом сидевшем за столиком у входа за единственной чашкой чая.

– Миха, сгоняй-ка по-быстрому за Хоховым, – распорядился он и разлил оставшуюся водку по рюмкам.

Через двадцать минут привезли Ивана Ивановича, который подсел за столик к изрядно захмелевшим друзьям, напряжённо посмотрел на Антона, но промолчал.

– Что за машина у тебя была? – Спросил Максим Сырникова, отправляя половинку яйца в рот.

– Жигуль, «четвёрка» восемьдесят пятого года с верхним багажником, – ответил тот. – Битая в переднее крыло. Дважды. В салоне не курили.

– Так, Иван, – Довганюк посмотрел в пустую рюмку, – слышал? Новая девятка с кожаным салоном и музоном «Пионер». Завтра утром, до моего отъезда, деньги привезёшь Антохе прямо в его зал. С тебя...

И он назвал сумму едва ли не вдвое превышающую стоимость новой «четвёрки». Сырников только крикнул.

– Иди, – повёл подбородком Максим в сторону Хохова.

Тот молча встал и пошёл к выходу.

– Да, и ещё! – Бросил ему вслед Довганюк, но Хохов не остановился. – Если тебе что надо будет от моего друга, ты прямо мне звони!

Девятку он на следующий день пригнал, хоть и далеко не новую, но с кожаным салоном. Сырников сразу же продал машину, чтобы не светиться, и история до поры до времени забылась.

...Уже к вечеру весь город знал, что владелец ресторана Кондиция объявил открытую немотивированную войну самому Ивану Хохову, избил его бейсбольной битой (по достоверным данным, отягощённой куском свинца), стрелял картечью по новенькому «Кайену» (восстановлению не подлежит, в решето) есть раненые (в том числе случайные прохожие), летальных исходов и разрушений нет. Пока нет.

А следующим вечером в "Кондицию" приехал Хохов-старший в сопровождении двоих соратников. Одного Сырников видел впервые. Это был элегантный молодой человек в яркосинем шерстяном костюме и изящных очках в золотой оправе. Он пристально, почти не мигая

и не проявляя эмоций, разглядывал витрину ресторана, массивную дубовую дверь медными ручками, даже поколупал ногтем доску с рукописным меню.

Второй спутник Ивана Ивановича был хорошо знаком Антону. Володя Сарафанов был лучшим боевиком подпольной империи Вани-Чугунка, сочетая в себе недюжинную силу, отчаянную смелость и верность делу. За последние пять лет он немного оплыл и подобрел, а жена родила ему двоих дочерей, что действует на любом мужчине как солнечный луч на пачку сливочного масла.

Володя был то ли дальним родственником двоюродной сестры Хохова, то ли близким сродником его любовницы (правда, какой из них?), в то же время некоторые знатоки уверяли, что Володя – брат первого мужа нынешней жены Ивана Ивановича или даже племянник его кумы, а может статься, что с самим шефом они на одном солнце онучи сушили, что выводило простого телохранителя совсем на другую, более высокую орбиту народного уважения и ненависти; но оставим эту санта-барбару, в которой разобраться нам, не будучи коренными жителями Зарецка, не суждено.

Гости взяли быка за рога сразу, с порога. Хохов кипел, извергал проклятия и постоянно трогал тылом ладони разбитую губу, а молодой фронт хоть и обращался к Сырникову «Антон Тимофеевич», но за его показной вежливостью крылся жестокий прагматизм, требующий сатисфакции. Звали юношу Никитой Германовичем, и он представлял московскую крышу хоховского бизнеса, поскольку беспредельничать после памятного случая с машиной, Чугунку резона не было. Молодой юрист должен был утвердить приговор и проследить за его точным исполнением, а роль Сарафанова была в деле очевидна, поскольку пострадавший помимо денег требовал телесных повреждений для обидчика, вплоть до переломов пальцев. Никита Германович, прежде чем утвердить сумму компенсации и количество переломов, предоставил (всё-таки, выпускник университета) слово ответчику и Антон перешёл в наступление. Оказалось, что о рэжете своего сына в отношении зарецкой шоколадницы отец ничего не знал, и эта новость сбивала Хохова с боевого настроения. Осознав, что произошла ошибка, а у нападавшего был некий, пусть надуманный, повод, Никита Германович надолго призадумался: обе стороны имели аргументы как «за», так и «против». В конце концов, с трудом выдержав мхатовскую паузу Сырников выложил свой козырь:

– Боюсь, что платить придётся тебе, Хохов, – сказал Антон. – В субботу – открытие магазина с шоколадом. Приходи, тебя будет ждать сюрприз. Наш старый знакомый, Максим Довганюк, приедет со всем семейством на праздник. Тогда и поговорим. Сову хочешь попробовать?

Прозвучало это двусмысленно, с нотками угрозы, и Хохов покраснел, как варёная брюква, а Московский гость с удивлением произнёс своим высоким голосом, «акая» и растягивая гласные:

– Подождите, зачем сразу сову... Я хорошо знаком с Максимом Петровичем, поскольку сопровождал несколько его крупных сделок и даже обедал в «Бристоле» с ним и его супругой Евгенией Серафимовной. Мы пили замечательный «Ла Дам де Монроз», и, пусть я предпочитаю белую Бургундию, это бордо неплохо сопровождало консоме со спаржей и голубей, жаренных с чёрным перцем и салом...

А потом, с упрёком обращаясь к Хохову, добавил:

– Иван Иванович! Довганюк – зять Киреева! Это вам известно?

Тот в ответ только заскрежетал зубами.

– Ну что, до субботы? – Решительно пошёл на них Сырников, давая понять, что разговор окончен.

Медленно, стараясь не терять достоинства, Хохов с компанией покинули помещение. Последним выходил Сарафанов, в дверях он обернулся и провёл большим пальцем по горлу. Сырников в ответ вежливо поклонился по-японски, сложив руки на уровне груди. Когда они ушли, Антон без сил и эмоций опустился на стул и так просидел битый час, разглядывая одну

точку на потёртом линолеуме, пока в кабинет не прошмыгнул кот, принадлежавший шеф-повару ресторана Зое Анатольевне.

– Эх, Рулет Чахохбильевич, простая душа, – обратился к нему горемыка-директор, – вот и я сейчас всё на кон поставил...

Кот потёрся о штанину Антона, оставив полосу из светло-серой шерсти: пришла весна и с ней – линька.

– ...и тебя, Рулетушка, и тебя, бездельник. Так что думай, как выпутываться!

Бокал Второй Белое

Из рукописи Баграта Пехлевина «О жизни, виноградарстве и Великом Вине. Тетрадь первая.

«Время отлива...

Чувства медленно и неумолимо уходят в пучину вод бескрайнего океана, обнажая замусоренный воспоминаниями берег; я равнодушен ко всему, что сейчас происходит в мире, остаётся только память...

Коряги, камни, полуразвалившийся фанерный чемодан, с торчащим из него обрывком газеты, на которой уже нет букв: они размыты и преданы забвению. Серый женский платок из козьего пуха, зацепившийся за спинку разбитого венского стула и сотни бесполезных ракушек вокруг: у этих раковин острые края, опасные для ног, и в них никто давно не живёт. Озерца мутной воды перемежаются с островами из зыбкого песка, на котором проступают следы людей, проходивших здесь когда-то. Странно, что они не смыты волной, а сохранили форму, будто гипсовые слепки. По влажному берегу неторопливо бежит лохматая собака, она опустила морду и, кажется, что-то ищет в песке. Вот она поравнялась с опрокинутой детской люлькой и остановилась, чтобы обнюхать её...

Собаку зовут Араг, что значит Быстрый, но этот пёс стар, и немощен почти как я сейчас, и ему требуется много времени, чтобы подняться, когда его зовут. Его глаза помутнели, но запахи мира, которые он вдыхал своими ноздрями двенадцать лет подряд помнятся так хорошо, будто всё было вчера.

Моя семья уехала из Сенегерда, армянской деревни что стоит на самом берегу моря Мазандеран на севере Персии, в начале 1916 года, бросив и старую детскую люльку, и бабушкин сундук с бархатными тканями, пересыпанными от моли табаком, и толстой скатертью, пропахшей хлебом, и скрипучую мебель, и несколько бочек вина, и много других громоздких вещей. Отец, пребывая под тяжёлым впечатлением от резни, учинённой турками над нашими единоплеменниками, османскими армянами, и боявшийся, что эхо войны докатится и до нашей глуши, принял решение перебираться в Российскую Империю.

Мне было шесть лет, и я не хотел оставлять своего верного Арага, но он сам отказался покидать Сенегерд, прыгнул с телеги и встал у ворот заколоченного дома, где я родился. Араг был вдвое старше меня. Он спокойными и мудрыми глазами смотрел на наш отъезд, а потом лёг прямо в пыль и положил голову на мохнатые лапы. Мама объяснила мне, что счастливые псы умирают на пороге своего туна, а встретить смерть в дороге для сторожевой собаки не допустимо. И тогда я перестал плакать и мысленно отпустил Арага, пожелав ему блаженной кончины. С тех пор каждый Хачверац я поминал Арага вместе с дедом Степаном и бабушкой Ануш, хотя и в тайне от мамы, которая строго запрещала мне так поступать; но, видит Бог, я и сейчас так делаю.

Наш род жил на побережье Мазандерана, или Каспия, испокон века, со времён Великой Армении. Ещё мой далёкий прапрадед Азар Пэхлэвиан, проходивший военную службу во дворце шаха, был переписан на персидский лад как Азэр Пехлеви, дабы получить повыше-

ние и доступ к покоям правителя. С тех пор мои предки и, в конце концов, я сам, носили эту фамилию до того времени, пока при выдаче мне документа в паспортном столе посёлка Обокшань, что на побережье Белого моря, молодая, очень невнимательная паспортистка не переделала фамилию на русский манер. В итоге я, жена Елена, мой сын Платон и внук Олег стали Пехлевиными.

В нашей деревне многие выращивали виноград. В большинстве своём, это были лозы, производившие сладкие и мясистые зеленовато-жёлтые грозди, из них делали потом изюм. Все эти сорта, довольно разные на вид и на вкус, у нас называли «мускат». Но некоторые, в том числе и мой отец, сажали и винные лозы. В той жаркой и засушливой местности, где летний дождь также удивителен как зимний снег, виноградные побеги высаживали на искусственные валы высотой около полуметра, а обрамляющие их канавы заполняли водой из трёх стекающих в Мазендеран речушек, почти пересыхавших с середины июля до самого октября.

Тёмно-красный, подёрнутый восковой патиной виноград сорта шараб был в почёте у моих отца и деда. Лозы шараба были крепкими, хорошо справлялись с засухой, мало болели и давали пусть и небольшой урожай (не то, что мускат), но достаточный, чтобы обеспечить превосходным вином с терпким ароматом спелого граната и красной сливы всю семью до следующего года.

Вместе с верным Арагом мы охраняли созревший урожай в последнюю неделю сентября от набегов кабанов. Дикая свинья никогда не станет есть неспелый виноград, но как только гроздь созревает, наполняясь благоуханными соками, от этих животных нет отбоя. Некоторые кабаны бывают опасны для человека, тем более для ребёнка, но отец всегда отпускал меня на виноградник, зная, что Араг не даст меня в обиду. И правда, пёс обладал сверхъестественным чутьём на незваных гостей и стремительно появлялся у них перед глазами, никогда не лая, а только молча взирая на их наглые морды, торчащие из кустов, обрамляющих виноградник. Глухой раскатистый рык Арага давал понять кабанам, что поживиться не удастся, и они нехотя уходили в холмы, надеясь, что завтрашний день будет более удачным.

Лишь однажды огромный матёрый секач, одурманенный запахами спелого винограда, вышел из кустов и медленно пошёл в нашу сторону. Зверь был огромен: толщиной с бочонок для вина и ростом почти с меня. Я стоял неподвижно и смотрел, как кабан, тяжело ступая, сверля нас из-под косматых бровей маленькими глазками, упрямо шёл к винограднику. Этот библейский вепрь не ведал страха и никогда не отступал, даже волки сторонились его. Он приблизился к нам на расстояние двадцати шагов и остановился, оценивая наши силы: лохматый пёс и маленький мальчик с тонкой палочкой противостояли ему. Но прямой и тяжёлый взгляд Арага остановил этого бесстрашного лесного воина. Пёс и кабан смотрели в глаза друг другу бесконечно долго, Араг тихо рычал и скалил зубы, не двигаясь с места и не показывая ни малейшего беспокойства, а его противник рыл копытом мягкую землю, проверяя нас на прочность, ожидая паники, и шум его дыхания долетал до моего слуха. В кустах замерла вся его семья: толстенная свиноматка с тройным подбородком и шестеро полосатых поросят с розовыми пяточками. Поросят сначала было семеро, но один из них, самый маленький и слабый, отстал при переходе через долину и стал добычей голодного лиса с железными клыками. Кабан быстро понял, что старый пёс упрям и бесстрашен, он скорее умрёт, чем нарушит свой долг хозяину, он оценил ледяное спокойствие Арага перед лицом страшного врага и уже не хотел нападать, но и уйти просто так для него было невозможно. Так они и стояли бы целую вечность, но тут из кустов громким скрипучим басом раздражённо захрюкала свинья и поросята вразнобой стали ей подвизгивать. Тогда секач нехотя развернулся к нам тылом, громко испортил воздух, и потрусил в сторону своей семьи. Араг посмотрел на меня своими добрыми глазами, а я бросился к нему и расцеловал его в морду. А на следующий день мы убрали урожай винограда, и отец сделал из него вино, которое ему не довелось выпить.

Мы долго ехали, видя повсюду войска, обозы с ранеными и эшелоны с пушками, пробирались через Ленкоран и Елизаветполь и приехали в конце апреля в Тифлис, где поселились у вдовой сестры моей матери тётки Агинэ, в её кривобоком домике с односкатной крышей на крутом, прогретом солнцем склоне холма прямо у каменных ног церкви Карапи. В Тифлисе, в отличии от Еревана, было спокойно. Отец, знавший русский и грузинский языки, поскольку состоял в персидской коммерческой консистерии, сразу нашёл работу торгового представителя в «Товариществе А. Микадзе». Из окон нашего дома был виден мост и противоположный берег Куры с древней крепостью и церковью на скале, над которой носились птицы, а если пробежать вниз по извилистым улицам в сторону реки, то на полдороги увидишь разукрашенную изразцами харчевню одноглазого Тер-Оганесяна, на вывеске которой по-русски было выведено «Тадж-Махал». В этом заведении, как вспоминала тётя Агинэ, собирались социалисты, там зачитывались огненные письма Буачидзе и штудировались свежие номера «Шадревани», а однажды отец принёс оттуда переписанный от руки текст стихотворения Галактиона Табидзе «Траншеи», прочёл его маме и тёте на грузинском, перевёл на армянский, после этого они вышли во двор и долго о чём-то спорили.

В ноябре 1916 мой отец, Маркар Пехлеви, записался в ряды «Дикой дивизии» генерала Дмитри Багратиона и ушёл на Кавказский фронт. Больше мы его никогда не видели. Мне шёл седьмой год, а сестре Гулаб исполнилось десять. Я прочёл «Траншеи» в пятьдесят восьмом; эти стихи, уже на русском языке попались мне случайно в томике переведенной грузинской поэзии. Я вчитывался в обличительные строки и недоумевал, как такое могло случиться, что злое антивоенное заклинание могло подвигнуть моего отца на уход в действующую армию. Но эту тайну мне уже никогда не разгадать. Возможно, после смерти, если мне будет дано право видеть лик моего родителя в пресветлых обителях я задам ему этот вопрос безмолвно, одним взглядом, но, если он не ответит, смирюсь с этой загадкой, как и со многими другими, не подвластными ни моему сердцу ни, тем более, слабому разуму.

После пропажи без вести моего отца Тифлиское общество попечения вдов и сирот выплатило нашей семье существенную компенсацию и перевело деньги за моё школьное обучение. Потому-то в октябре 1918 года, по исполнении мне восьми лет, я поступил в Первую Тифлисскую гимназию, где учился спустя рукава, сбегал с уроков, но несмотря на это, преподаватели вбили в мою ветренную голову русский, грузинский и немецкий языки, немного – классиков мировой литературы, и чуть-чуть арифметики. Знание немецкого языка, видимо, и определило моё последующее пристрастие к рейнскому стилю вина и неприятие большинства традиционных французских вин. Из остальных предметов мне давалось только естествознание, особенно ботаника, которую я знал на пять с плюсом.

Грузия, жаждавшая независимости, кипела. Восстания в городах, партизанские отряды в горах, стычки националистов с просоветскими бригадами и группами сотрудников НКВД, присланных из Москвы под видом вежливых туристов и коммерсантов. На фоне всего этого мы жили своей жизнью, мама нашла хорошую работу в оранжерее Грузинского сельскохозяйственного института на Кафедре высших и культурных растений, а тётя Агинэ продолжала трудиться в армянской газете до самого её закрытия в 1925 году.

...На стене моего «Ковчега» всего три фотографии. Мне не нужно много воспоминаний. Для того, чтобы сделать Великое Вино необходимо смотреть вперёд, а не назад. Но чтобы иметь опору и не забыть, кем я был, я повесил эти старые снимки в деревянных рамках.

Я поведаю о центральной фотографии, а о двух других расскажу позже. На старом снимке, а на нём стоит дата – август 1924 года, на фоне огромного платана расположилась группа из семидесяти подростков, выпускников первой Тифлисской гимназии. В центре – пожилой седовласый директор с пышными усами и десяток преподавателей. Моя радостная (да чего уж там – наглая) физиономия видна в первом ряду с левого края. Для мамы, уставшей от постоянных жалоб классного руководителя на моё поведение, этот день стал настоящим

праздником. А я, думавший поступить в сельскохозяйственное училище, где, наконец мог бы заняться делом, но не историей и русской грамматикой, ощущал себя свободной птицей, парящей над морским побережьем.

Впрочем, сама фотография ценна для меня не тем, что она запечатлела, а тем, что произошло в тот же день вечером. Решив, как следует отпраздновать мой выпускной, мама с тёткой Агинэ приготовили сытный обед с хинкали, домашним сыром мотал, арисой и моим любимым наваристым хашем. На сладкое были чурчхели, а тётка испекла большой сдобный калач. Но в доме не оказалось вина, а ведь мама обещала, что я буду участвовать в застолье на правах взрослого мужчины именно в день окончания гимназии, а потому она, всегда державшая слово, отправила сестру в лавку, что рядом со складом, где хранились запасы вин князя Багратиона-Мухранского. Гулаб, которой шёл восемнадцатый год была не просто красива, а цвела тем особым обаянием, которое присуще только армянским девушкам в период их самой первой молодости. Редкий мужчина, даже старец, не оборачивался на проходящую по улице Гулаб, стараясь разглядеть за опущенными густыми ресницами её тёмно-карие глаза.

Я вынужденно отправился за сестрой, поскольку не мог найти себе место ни в доме, ни во дворе, путался под ногами у мамы и толкнул под руку тётку, отчего она расплескала молоко. Меня выставили за ворота, и я помчался по улице вслед за Гулаб на винный склад. После семнадцатого года качество вина в республике несколько снизилось, но Мухранские склады в Тбилиси хранили тысячи ящиков высококлассных вин, многие из которых были выделаны ещё при жизни самого князя Иванэ.

Мы бежали по горячим мостовым Гвинис Агмати, Винному подъему, мимо десятков чайных, ресторанчиков и харчевен, стены которых были выложены речной галькой, лавировали между коровьими и лошадиными лепёшками, уворачивались от ишаков с повозками, набитыми дынями; люди оглядывались на Гулаб с улыбками и восхищением. Вокруг сновали молодые грузины в чёрных кафтанах и деловитые армяне в коричневых армяках, седые еврейки тащили наполненные снедью корзины, девушки в пёстрых платках и соломенных шляпках спешили на свидания, а чумазые дети путались под ногами. Всё было пронизано светом и радостью, и никто не знал, что в этот день начнётся Тбилисское восстание, а Серго Орджоникидзе, называемый «тараном революции» введёт в город карательные отряды.

Первые выстрелы восстания раздались прямо на соседней улице, когда мы добрались до складов на северном берегу Куры.

Командиром одного из отрядов, вошедших в город, для усмирения восставших был бывший экспроприатор Клим Кардашян, прославившийся своей неумолимой жестокостью к жертвам. Его бойцы занимали улицу за улицей, переулок за переулком. Сам Клим, облачённый в новую гимнастёрку с орденом красной звезды на груди, и офицерскую фуражку царской армии, с которой были спороты все знаки, с огромным носом, пышными усами с подусниками, напоминал настоящего предводителя «пирали», горных разбойников.

Восставшие, среди которых были в основном меньшевики, верные Джугели и Хомерики, не преуспели в Тифлисе. Город был взят под контроль советскими войсками за считанные часы. Последний очаг сопротивления тлел как раз возле Мухранских складов, где полтора десятка повстанцев, завалив проезды баррикадами из бочек, ящиков и перевернутых телег, ожесточённо отстреливались от наступающих красноармейцев, превосходивших их числом и вооружением.

Я и Гулаб, добравшиеся до ворот склада к самому началу перестрелки, оказались отрезанными от улицы. Мы прижались к огромным деревянным воротам, через которые могла свободно проехать гружёная телега, и не знали куда деваться. До баррикады было больше ста метров, но одна шальная пуля пролетела через весь проезд и впиалась в дубовую доску ворот прямо над головой сестры. Она громко вскрикнула, выронив из рук свои маленькие кувшины, и заплакала от страха, а я, чувствуя, что оставаться на таком опасном открытом пространстве

нельзя, крепко схватил в охапку и потащил через колючий декоративный кустарник за угол. Через несколько шагов в стене склада обнаружилась маленькая дверь, не запертая сторожами, бежавшими при звуке выстрелов, и мы нырнули в сумрак здания. Вдоль каменных стен склада стояли бочки с вином – большие – на сорок вёдер и маленькие – на двадцать пять вёдер. Сотни узкогорлых глиняных сосудов, запечатанных воском, пылились на деревянных поддонах. По центру, вдоль всей длины склада, в несколько линий шли ряды полок, разделённых широкими проходами. На полках лежали бутылки вина, уже присыпанные тонким слоем рыжей тбилисской пыли. Где-то наверху, где солнце пробивалось под крышу сквозь узкие оконца, стрекотали стрижи.

На улице застучал пулемёт, послышались крики, и мы побежали в самый конец склада, где к стене примыкали два огромных десятиэтажных стеллажа, завешанными серой рогожей. К одному из них была приставлена хлипкая лестница и я ловко забрался по ней почти до самого верха и шёпотом позвал Гулаб. Но тут громко заскрипели большие ворота в дальнем конце склада, и сестра метнулась направо, в самый угол, спрятавшись за большим надтреснутым квеври.

Я нырнул под занавеску и чуть было не чихнул от попавшей в нос пыли. Прижавшись к стене, я лежал, мысленно молясь лишь о том, чтобы каратели страшного Кардашяна не нашли нас с сестрой.

Подо мной была полка, сделанная из металлической сетки, заполненная бутылками вином, надо мной был такой же ряд бутылок, тысячи бутылок тёмного стекла, на этикетках которых на грузинском и русском языках значилось название «Святая Нина». Я много раз слышал про это вино от родителей и тёти: князь Багратион-Мухранский сотворил настоящий шедевр из саперави и александроули и оно, получив медали на международных выставках перекрыло славу густого как мёд, чернильно-терпкого «Зегаани», сделанного князем Александром Чавчавадзе. Правда, цена «Святой Нины» была неподъемной для нашей семьи; в то время, как бутылка хорошего вина стоила до революции 15-20 копеек, а кружка вина домашнего – 5-10, бутылка «Нины» продавалась за полтора рубля.

Голоса красноармейцев слышались всё ближе. Через прореху в ткани я мог видеть часть главного коридора.

– Мераби, возьми правый угол, – сказал Кардашян маленькому человеку с большой винтовкой и, взведя курок нагана, медленно пошёл по главному проходу в мою сторону.

Это выглядит большой нелепостью, но тогда мне казалось, что, как только красноармейцы нас обнаружат, то сразу же расстреляют. Наверное, они не тронули бы детей, но во мне говорил страх, и я не понимал, что делаю.

Гулаб всхлипнула в своём укрытии, я мысленно обругал её, а Мераби насторожился. Тогда я, боясь, что сестру обнаружат, прижал ладонь к губам и издал звук похожий на писк и хрюканье одновременно. Кардашян вскинул свой револьвер и несколько раз выстрелил на звук. Пул прошли прямо надо мной, разбив несколько бутылок в верхнем ряду, а из-под стеллажей врассыпную кинулись крысы. Мераби засмеялся и повесил винтовку на плечо. Красноармейцы достали папиросы и закурили. Я лежал ни жив ни мёртв, а сверху, из разбитых бутылок на меня лилось драгоценное вино «Святая Нина». Я открыл рот и сладковатая, терпко-душистая влага опалила моё нёбо, связала язык и склеила губы. Так я впервые попробовал вино, которое без натяжки можно назвать великим.

Выбрались мы через ту же боковую дверь глубокой ночью, уходя я успел прихватить пару бутылок «Нины», за что сестра меня ругала всю дорогу. Маму и тётю мы нашли в полуобморочном состоянии от страха за наши жизни. Я был весь залит вином, но сказал, что споткнулся

и разбил кувшин по дороге, на что мама сказала мне: «Арджук¹». А про стрельбу на складе мы с сестрой договорились не рассказывать, незачем взрослым знать про такое.

Летом 1930 года, после окончания техникума, я перебрался в Офрени, в окрестностях которого раскинул свои виноградники совхоз «Самшобло», располагавший собственной небольшой винодельней. Впрочем, с 1932 года почти весь урожай заставляли сдавать в Тбилиси или в открытый в Офрени завод вин и ликёров, оборудованный современными бродительными чанами. В совхозе продолжали делать вино в экспериментальном цехе, и наша продукция высоко ценилась среди районного и даже республиканского начальства. Благодаря настойчивости нашего директора Соломона Миля, часть вин мы делали в квеври, сохраняя старые традиции грузинских виноделов.

Я не помню ни одного сорта винограда кроме ркацители, который очаровал бы меня сразу с первой дегустации, а потом всю оставшуюся жизнь оставался для меня образцом совершенства. Если вы хотите выбрать вино, идеально подходящее к грузинской кухне, от повседневной до праздничной, то стоит подумать о ркацители. Дикий горец, укрощённый и европеизированный винодельческим гением Чавчавадзе, стал утончённым и стройным, был принят в самых лучших домах как аристократ, а вина под маркой «Цинандали», где этот сорт выступает в гармоничной паре с роскошным и терпким мцване, – это лучшие вина Грузии.

Жаль, что сейчас, в конце восьмидесятых годов, вина, разлитые в бутылки с надписью «Цинандали», утратили былую славу и былой вкус.

Кисть ркацители совершенна: она напоминает кубок новобрачных, из которого, переливаясь через края, исходит пена игристого вина. Если же ркацители выдержать в квеври, то вино приобретает охристо-янтарный оттенок, теряет липово-медовую лёгкость, но приобретает основательность и очень сложное звучание, похожее на традиционное многоголосое грузинское пение, отражённое эхом гор. Такое вино чуждо современным веяниям, оно равнодушно, словно монастырь Джвари, смотрит на бег времени, суету и перемены, оно незыблемо как островерхие грузинские часовни высоко в горах, ожидающие вместе с местными пастухами, воинами, виноделами и сыроварами трубы архангельской.

Красным сортом винограда, растущим здесь повсеместно, является саперави. Молодое вино из этого сорта, называемое «маджари» меня никогда не впечатляло, но, когда я попробовал «Мукузани» из устья реки Иори, я стал уважать саперави, умеющий так красиво вызревать и стареть в бочке. Тяжёлое, сложное, шоколадно-мускатное «Макузани» может доставить истинное удовольствие самому капризному гурману.

Именно эти сорта – ркацители и саперави – составляли большую часть посадок в совхозе. Лучшим участком для виноградников считался холм Савети, а верховодил на нём мой друг Константин Контрадзе.

15 марта 1935 года за выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися республики в области сельского хозяйства и промышленности, Грузинская ССР награждена орденом Ленина. В связи с этим событием, в совхозе «Самшобло» прошёл торжественный митинг с концертом. Митинг открыл какой-то важный и очень толстый гость из Тбилиси, говоривший о том, что Советская Грузия должна стать мировым центром виноградарства, виноделия и чаеводства. После его отъезда, нас собрал довольный директор (только что получивший благодарность от руководства) и сообщил, что в целях обмена опытом с французскими трудящимися, виноделы и виноградари Грузии командированы в Бордо. От нашего совхоза членами делегации станут заведующий производственным цехом Вячеслав Яхно, главный технолог Иван Зуй и начальник опытного участка Константин Контрадзе. Костя после этого известия ходил, высоко под-

¹ Медвежонок – арм.

няв голову, подкрадывался к девушкам и хитро шурясь спрашивал, что бы они хотели, чтобы он привёз им из Парижа. В итоге его популярность выросла до невообразимых высот.

Однако, кандидатуру Контрадзе не согласовали на самом верху. В итоге составила делегация из восьми человек, четверо из которых были партийными руководителями из Тбилиси, а один – из Гори. От нас поехали только Яхно и Зуй.

Грузины часто повторяют, что не бывает плохого вина, бывает вино, которое не нравится, но я замечал, что они при этом лукаво шуруются. До того дня, как я попробовал дешёвое бордо, сделанное из незрелого урожая каберне фран и мерло и передержанное в древней, почерневшей от времени дубовой бочке, я знал только один вид откровенной бурды, тот, что мы между собой называли "слив". Этот самый слив вырабатывался из самого плохого винограда разных названий, не отвечавшего даже требованиям третьего сорта, неспелого, часто, наоборот, переležавшего на жаре или даже местами подгнившего. Предназначался этот «слив» для производства креплёного спиртом напитка, отпускаемого на разлив. Часто на гниющий виноград налетали тучи насекомых, и сок отжимали прямо с ними, после чего добавляли изрядную порцию свекольного сахара и виноградного (а иногда и плодового) спирта, так что о достойном вкусе и запахе речь уже не шла.

Но привезённое из вояжа бордосское шато, разлитое в полуторалитровые магнумы тёмного стекла, претендовало на гордое звание вина, о чём свидетельствовала беззастенчивая надпись на этикетке: «Гран вин де Бордо».

Контрадзе, как всегда хорошо информированный, ибо заигрывал с секретаршей директора Алевтиной, рассказал нам впоследствии, что Зуй и Яхно, на самом деле, привезли из французской командировки два чемодана отборного кларета лучших урожаев, но нам, простым виноградарям и виноделам, с невинным видом подсунули бурду, купленную по два десима за бутылку на обочине деревенской дороги. То-то мы удивились, когда в абсолютной тишине, будто совершавший тайнодействие откупоривания кувшина с джином, наш молодой технолог Шапикоев, отшатнулся от горлышка бутылки и изобразил гримасу страдания! А я так и сидел, замерев от предвкушения грядущего счастья и не понимал, что же произошло.

Дух скотного двора фонтанировал из наших стаканов с бордо больше часа, а мы в замешательстве ждали, может он когда-нибудь выветрится? Но нет. Это «шато» было таким старым, усталым и так тяжело болело, что было признано нами инвалидом Крымской войны. Не думаю, что Яхно хотел подложить друзьям свинью, он просто сэкономил немного денег, и всё. Зуй, например, с тех пор щеголял дорогим портфелем из мягкой рыжей кожи и фетровой шляпой удивительного бежевого цвета. Да и директор теперь частенько посматривал на запястье, где на кожаном ремешке сияли часы Оникс с календарём, будильником и пятью камнями. Один Контрадзе ходил с опущенной головой и сторонился весёлых девушек, которые завидев его, кричали: «Товарищ Котэ! Где наши подарки? Неужели вы забыли их в Париже?» Гордый Костя от этого страдал невыносимо, как от зубной боли, но нас поглотила работа на винограднике и всё со временем забылось.

И всё же, нам с Костей удалось попробовать нечто особенное, что было привезено из той европейской командировки. Спустя два месяца, когда впечатления от дрянного шато сгладились, Зуй, завидев меня и Костю, празднично стоящими у склада, воровато оглядываясь подошел к нам и достал из своего знаменитого теперь портфеля аптечный двухсотграммовый флакон, в каких обычно хранят спирт.

– Правый берег, чистое мерло, – сказал он, передавая нам склянку. – Никому не показывайте!

Мы, смеясь над Зуем, ушли в избушку на винограднике и там попробовали его мерло. Впечатление было сильным: тона ягодного варенья, мяты, кориандра, кардамона, фиалки, гвоздики, можжевельника, полыни, пижмы, шандра, гранатовой кожуры, бессмертника и выделанной кожи столь гармонично сочетались с яркой кислотностью, что мы час сидели, причмокивая

и вздыхая. У Кости, помимо его драгоценного саперави, теперь появился ещё один фаворит, и он стал мечтать о том, чтобы высадить лозы мерло на Савети.

Урожай саперави 1937 года был удивительно хорош. Можно без зазрения совести поставить ему «четыре с плюсом», или даже «пять с минусом». Почему не твёрдую пятёрку? Всему виной дождь, который прошёл за неделю до сбора ягод. Он был коротким, но очень сильным, тучи принесло со стороны Батуми, и мы с Контрадзе ходили вдоль лоз и думали только о том, чтобы непогода прошла стороной. Константин очень хотел увидеть идеальный саперави, а этот сорт считал лучшим в мире техническим виноградом. Он в тайне мечтал, что его вино, отвезут на ВДНХ и там его попробует лично товарищ Микоян, а там, глядишь, несколько ящиков отправят в Кремль, и всё руководство великой Страны Советов будет пить его, а сам товарищ Сталин сделает глоток и станет расспрашивать: «Кто таков этот виноградарь? А вот вручить ему Государственную премию! Вам ведь нравится вино, товарищ Ворошилов? А вам, товарищ Калинин?»

Но в полдень небо стремительно почернело и хлынул ливень такой силы, что с гор понеслись мутные потоки, которые не иссыкали до самой ночи. Суховатые от безводного поста лозы напитались влагой и ягоды стали разбухать прямо на наших глазах, даже их цвет из чернильного, сочного стал более размытым, опаловым. Контрадзе чуть не плакал. Я утешал его тем, что до сбора урожая ещё больше недели и за это время ягоды «похудеют».

Саперави – это тот сорт винограда, что при всей своей деревенской диковатой простоте, весьма стыдлив. И если виноградарь излишне обнажает гроздь от покрова листвы, он травмируется откровенным вниманием солнца, закрывается, становится грубым и резким. Ягоды саперави не должны быть чрезмерно сочными. Они дают более насыщенный аромат, если земля не переувлажнена дождями, тогда на гроздьях, одна к одной, созревают плоды живые, весёлые и подтянутые, как деревенские девушки. Кожица такого винограда плотная, прочная, она защищает от ночных холодов, дневного зноя, холодной росы, утренних туманов и насекомых. Вы не получите хорошего саперави в жарких, прокалённых долинах. Ему нужна полночная прохлада, которая остужает ягоды, даёт ей отдохновение, наполняя её соки ароматами земли, тогда как как днём высокое солнце передаст ему ароматы неба. Только из таких ягод мы можем получить мощное и сложное вино, наполненное полифонией звуков земли.

Я с удовлетворением осмотрел свои лозы, «три сорока», которые почти не пострадали от ливня, поскольку находились в самой верхней точке виноградника, считавшейся худшей из-за засушливости и меловых слоистых пород, залежавших под тонким слоем коричневого глинозёма. На моей делянке росли: сорок лоз ркацители, сорок – саперави и тридцать три – мцване. Конечно, мцване было не сорок лоз, но я округлял их число для создания совершенной, магической красоты цифр. Когда пришёл срок сбора урожая, или по-местному «ртвели», качество ягод на этих кустах был превосходным. Я заложил три глиняных караса вина. В одном карасе, называемом здесь «квеври» был чистый бледно-янтарный сок саветийского ркацители с небольшим осадком из мезги – кожуры и виноградных косточек, пожелавший стать лучшим вином для любви, песен, душой застолья. Вино имело характер моей матери. В другом сосуде на плотной мезге вызревал благородный мцване, предназначенный для угощения только почётных гостей на больших праздниках. Это гордое и красивое вино было будто бы слеплено с образа моей сестры Гулаб, которой даже лёгкая хромота не могла помешать выглядеть, как царица Тамар. В третьем карасе, где к половине рубинового сока саперави я добавил лиловый сок, бережно отжатый из кистей александрюли, выпрошенных у Контрадзе (конечно, с одобрения Соломона Ионовича), формировалось вино дивной силы, терпкое, чуть горьковатое и мужественное каким был мой отец.

Во разгар ртвели в тот год мы испытали нашествие енотов на Савети. «Уж лучше кабаны», – твердил Контрадзе, сбивавшийся с ног, организуя охрану виноградников от этих прожорливых зверьков. Воздух на холме был пропитан вязким ароматом спелых ягод, отчего эти несносные животные обезумели, буквально теряя чувство самосохранения и готовы были рискнуть шкурой ради кисти спелого саперави. Еноты потеряли страх, не боялись пуль, исчезали внезапно и появлялись словно из-под земли, пробирались к ягодам под покровом ночи и на рассвете, вели партизанскую войну, устраивали отвлекающие манёвры и обманывали собак. Однако, к концу ртвели жена Соломона Ионовича получила отличную енотовую шубу.

Две недели сбора я почти не спал, похудел до полупрозрачного состояния и дважды падал в обморок. Но мы успели до дождей, хотя еноты попортили несколько сотен гроздей, которые мы собрали отдельно и заложили две квеври вина для себя, а я назвал его по-армянски – «рекон²»; все смеялись, но имя понравилось и прижилось. Енотовое вино ещё никто до нас не делал.

Когда закончился ртвели, мы с Контрадзе взошли на плоскую вершину Савети, выпили немного старого густого мцване из квеври, и посмотрели вниз. По склонам бесконечными нитями вились посадки виноградников, сплетавшиеся в кружевной покров усталой земли. Константин был возбуждён и много говорил о цели нашего труда. Именно тогда у него родилась эта идея – сделать Великое Вино. Я спросил, как он его себе представляет и в чём его величие? «Я хочу сделать такое вино, которое понравится самому товарищу Сталину, вождю мирового пролетариата, благодаря которому у нас всех есть возможность трудиться на этой земле. Я хочу вложить в это вино весь восторг жизни и всю свою силу, преданность делу коммунизма и лично ему. А ты?». Я долго молчал и не мог ответить на его вопрос, потому что не знал, какое оно, это великое вино и должно ли оно воспевать победу коммунизма. Контрадзе заставил меня поклясться на его комсомольском значке, что я, как и он, всю жизнь будем бороться за Великое Вино также, как товарищ Сталин за свободу всех трудящихся. Я поклялся, только чтобы он отстал, но крепко задумался, а бывает ли вообще на свете такое вино, которое раскрывается как книга и вмещает в себя такую мудрость и знание, что изменяет человека навсегда, а если оно есть, то как его сделать? Эта мысль не давала мне покоя.

Но недолго я пребывал в недоумении, поскольку уже через неделю случилось одно удивительное событие.

А произошло вот что. В день 7 ноября 1937 года, когда все работники ушли в клуб ради концерта цирковых артистов, театральных миниатюр в стиле «Синей блузы» и других малых форм клубного искусства, а также, гвоздя программы – Арсени Тателадзе, популярного тенора из Тбилисской оперы, я остался в огромном бараке и остро почувствовал одиночество. Не то, чтобы я скучал по людям, нет. Это было вселенское одиночество души, мятущейся по городам и весям, образам и слухам, облакам и ручьям, и в благоговейном ужасе озирающей тварный мир, близкий и недоступный одновременно. Но вместо того, чтобы отправиться в клуб (а тенор, говорили мне, очень душевно исполнял арию Финна «Добро пожаловать, мой сын...») я вышел из посёлка и пошёл в сторону виноградников Контрадзе. С лоз уже почти опали листья и порывы ветра гоняли их между рядами. Собирался дождь, небо сурово клубилось тёмными, будто бутафорскими ватными волнами. Листья лежали повсюду, жёсткие и шершавые, потерявшие сок, огрубевшие до такой степени, что стали похожими на ветхие страницы библиотечных книг. Ноги сами вынесли меня на южный склон Савети, где было на удивление тихо и безветренно, а в низине собирался туман.

Я долго был один, без мыслей и чувств, только лишь с одним единственным вопросом в глубине сердца, и хотел знать ответ на него. Я закрыл глаза, слезящиеся от ветра, а когда открыл их, оказалось, что я стою на коленях посреди сухих лоз, уходящих своими отростками прямо

² Енот (арм.)

к небу, к хлопковым облакам, и слышу их тихое дыхание. Шёпот засыпающего виноградника, невнятное бормотание, вздохи и эхо невнятных слов отчетливо звучали в моём сердце, и я не испугался, а принял это как благословение.

Тогда Ангел встал напротив меня и простёр правую руку надо мной, а левую над лозами, его крылья были распростёрты, а одежды струились прозрачным светом и пахли лёгким весенним ветром, несущимся с вершины Савети вниз, в долину. Ангел поднял глаза и посмотрел на виноградник, а я вслед за ним повернул голову и увидел корявые столетние лозы поваленными и разбросанными, словно это были тела павших воинов на поле жестокой брани. Ангел молча скорбел, и я опустил голову и заплакал об умирающем вертограде. Лик Посланника, сотканный из света, стал меркнуть и, наконец, его фигура постепенно совсем исчезла, а я остался стоять на коленях с невысохшими слезами на лице и тем знанием в сердце, которого я так искал, и в котором было так много печали.

Никому и никогда я не рассказывал о том, что увидел и что узнал.

В тех карасах, что я заложил во дворе нашего винодельческого цеха, должно было получиться лучшее вино за многие годы, может быть, оно даже было бы похоже на то Великое Вино, о котором мечтали мы с Константином, пусть и видели его каждый по-своему. Но мне было бы достаточно, если бы его оценили не во дворце, а в простом доме на душевном празднике или шумной свадьбе, или за нехитрым ужином, когда хозяйка достаёт из тонэ горячий пури, а на столе стоят глиняные тарелки с долмой и лобио. И тогда уставший хозяин, подняв глиняный таси с моим вином воскликнул бы удивлённо «Ра сурнели³»!

Повторюсь, мы с Контрадзе возлагали на этот урожай большие надежды, может быть, по неопытности своей, были слишком оптимистичны. Ни он, ни я тогда не были готовы к Великому Вину, а лишь предчувствовали его.

Константин хотел мечтал изменить мир своими руками, дать повод для гордости своей землёй, я же просто не хотел никуда уезжать из совхоза «Самшобло», ежедневно следить за созреванием вина, своими глазами увидеть, как наступившие декабрьские холода остановят брожение, ждать, чтобы в вине сквозила приятная терпкая сладость, утешительная и обнадёживающая, слить вино с осадка и вновь запереть его в кевври, где оно на протяжении нескольких зимних месяцев будет тихо спать и грезить ароматами гор, источников, звериных троп и продуваемых ветрами ветхих сараев, неспешных отар, бредущих по холмам, домашних сквозняков и узловатых руин крепостей, ароматами жизни, парящими над нашими головами и сулящими долгожданные мир и любовь.

Я хотел так, но Бог судил иначе.

В начале февраля тридцать восьмого какие-то серые люди, все сплошь грузины, приехали к нам в совхоз и «освободив» кабинет главного технолога от его хозяина, по очереди разговаривали с начальниками цехов, участков, мастерских, с простыми рабочими и виноградарями. Директор, Соломон Ионович Миль, сказал нам с Контрадзе, что эти люди приехали из Телави по заданию самого Серго Гоглидзе, знаменитого «гроссмейстера» НКВД, только что награждённого орденом Ленина, и ищут саботажа. Миль был очень зол, его щёки пылали, глаза сузились, а губы, и без того кривые, выплясывали поминутно, изображая то гнев, то горе, то решимость «прекратить это безобразие». Серые люди исчезли, а директор всё не мог никак успокоиться, на совещаниях был задумчив, и признался завцехом Яхно, что поедет с жалобой в ЦК Республики. Там у него есть хороший знакомый, старый большевик Шио Чеишвили, он разберётся, что это за заговор такой и кто вредитель.

³ Какой аромат! – груз.

В самом начале мая 1938 года, по заданию директора, я поехал в Тетри-Цкаро делать заказ на бочки и должен был вернуться через несколько дней, но зарядили плотные дожди и Кура вышла из берегов. Мир вокруг стал погружаться в пучину мутной воды, многие уже без иронии говорили: «Потоп!». Селение Скра и вовсе превратилось в топкое болото, овцы, куры и собаки спасались на крышах, от дома к дому жители пробирались на лодках. Тетри-Цкаро отрезало от внешнего мира, были повалены деревянные столбы, несущие электрические и телефонные провода, город погрузился в первобытную тьму, лишился связи с Тбилиси. А единственная дорога к городу была завалена камнепадом и забита грязевыми потоками с гор.

Я жил у гостеприимного заведующего бочарной мастерской Георгия Мгеладзе и его жены Лии. Вся работа встала, и нам ничего не оставалось делать, как часами сидеть втроём на просторной веранде второго этажа его дома и вести разговоры. Я много узнал от Георгия о дубе и тонкостях бочарного мастерства. Мы спорили о роли бочки в выдержке и созревании вин и без усталости дегустировали, сравнивая бочковое вино, которое так любили Мгеладзе с тем, что сохранялось в кевври. Мы выпивали по семь-восемь кувшинов за день, и следует признать, калбатано Лия от нас не отставала. А лобию с кинзой и солёные зелёные помидоры у неё никогда не переводились. Я же рассказал Мгеладзе о нашей с Константином идее создать Великое Вино, скромно заметив, что мы, может быть, уже близки к этому. На это батано Георгий ничего не сказал, только с любопытством и тревогой посмотрел на меня. Под эти разговоры было выпито очень много ркацител и ципки, съедено немало хлеба с солёными помидорами.

Через семь дней непрерывного дождя небо начало проясняться. Потоки вокруг продолжали бурлить, дорога была до сих пор заблокирована, но Георгий, пристально посмотрев на меня, сказал, что на следующий день, рано утром мы отправимся в одно удивительное место. Как ни странно, Тетри-Цкаро, хотя и был отрезан от внешнего мира стихией, но даже в потоп из него можно было попасть в мир горний. Всего в пяти километрах от селения, где мы спасались как библейские звери на Ковчеге, в лесу, почти на вершине горы, находился руины древнего города с монастырём Гударехи, куда мы и пошли, одев болотные сапоги и брезентовые плащи. Мы шли в сторону Ксаврети, Джетистскали, обычно мелкая и неспешная речушка, несла бурные потоки коричневой воды, но узкий металлический мост, построенный в двадцатые годы, был цел. Десять километров до монастыря было идти по прямой, только Мгеладзе не рискнул пробираться по размытым тропам крутого склона, и мы свернули направо, чтобы сделать петлю ещё километра на четыре.

– Я хоть и мгела, то есть, волк, но жизнь мне дорога, – объяснил он мне с улыбкой.

Дорога спустилась вниз, в небольшую безлесную длину, и мы побрели по щиколотку в воде, против порывистого ветра, озирая погубленные стихией небольшие виноградники, но уже через полчаса, свернув на пологий склон, шли, замешивая густую грязь сапогами, и, наконец, почувствовали под собой твёрдую почву. Не спеша, не произнося ни слова, мы вышли на поляну, правый край которой обрывался в глубокое ущелье. На её краю, словно деревья из волшебного леса стояли, выстроившись в несколько рядов, древние виноградные лозы, некоторые из них были толщиной в обхват рук взрослого мужчины. Я остановился на минуту, потрясённо созерцая картину величественного запустения. Сколько лет этому винограднику? Сто? Двести? Дают ли эти корявые старцы плоды или только слушают голоса мира? И если да, какое получится вино?

Ещё один короткий подъём, и я увидел развалины стен среди беспорядочных стволов деревьев, храм, сложенный из цветных тёсаных камней, остатки колокольной и несколько глинобитных строений без крыши. Люди давно ушли из этих мест, бросив селение, монастырь, виноградники.

– Гударехи, – просто сказал Мгеладзе.

– Как тихо, – ответил я.

Мой спутник снял с себя брезентовый плащ и накрыл им несколько плоских валунов, лежащих рядом, видимо, остатки фундамента, достал из холщового мешка две помятые военные фляги и газетный свёрток, в котором оказалась головка сыра калти, натёртая тмином, и пшеничные сухари. Я, задрав голову, смотрел на чередование бежевых и тёмно-серых камней в кладке старинного храма. Мгеладзе отвернул крышку одной из фляг, понюхал, кивнул и протянул флягу мне. Я сделал глоток вина и сел на брезент.

– Сюда собрались археологи из Тбилиси; как вода сойдёт, копать начнут, – сказал Георгий. Он открыл вторую флягу, поднёс её к носу, шумно втянул воздух и крикнул.

– Что это? – Полюбопытствовал я.

– Тебе не надо – злая чача на гранатовой кожуре. Красная как кровь и крепкая как смерть.

Мы съели сыр с хлебом, я допил вино. Мгеладзе, всё больше краснея, отхлёбывал из своей фляги. Наконец он уронил голову на грудь и сказал мне, едва ворочая заплетавшимся языком:

– Иди.

– Куда?

– Храм посмотри... Час не возвращайся.

Я пошёл в сторону развалин монастыря и едва скрылся за деревьями, снизу раздался вой, перешедший в кашель. Затем Георгий страшным голосом стал вопить отборные грузинские ругательства, чередуя их с плачем и сетованиями, поминая Бога и ангелов, воя как одинокий волк на луну на ночной горе. Я заткнул уши и пошёл быстрее.

На самом холме были только храм и колокольня. Простая четырёхугольная церковь с единственным залом внутри, кладка из хорошо подогнанных, даже отполированных местами камней, на восточной стороне большое окно. Через плиты пола пробивается трава, на иконостасе примостились четыре птицы с оранжевыми шеями, не обратившие на меня внимание. Я прошёл дальше, в глубь храма и остановился: с южной стены на меня смотрели два всадника в одинаковых позах, восседавших на конях. Только жеребец правого попирал зеленоватого, побитого плесенью змея, а левый – вздымал копыта над белым камнем. Великомученики Георгий и Фёдор? На левой фреске, прямо поперёк нарисованной скалы красовалась надпись на русском языке, гласившая, что «Жора и Люба были здесь».

Я вышел на улицу и пошёл к колокольне, слушая, как стенает и ругается Мгеладзе, этот советский Иеремия, причастившийся кровавой чачей и раздираемый каким-то своим страшным горем.

Внутри колокольни были остатки обрушившегося перекрытия и путь на верх был закрыт. Я сел на ступени и стал думать о том, что увидел сейчас. Затем, будто пребывая в зыбком сне, я обошёл это древнее строение и в зарослях кустарника, прямо за колокольней, я обнаружил круглую каменную давяльную для винограда с отверстиями для стока сока и ещё немного посидел на стёртых камнях. Почему люди ушли из этого места? Я сидел долго, а когда встал, то точно знал, что свою никчёмную жизнь я потрачу на то, чтобы Великое Вино увидело свет.

Солнце выглянуло из-за туч и начал разгораться тёплый майский день. Быстро спустившись к Мгеладзе, я нашёл его сидящим в той же позе, что и час назад: он низко склонил голову, молчал и не двигался.

– Вы чего, батано? – Спросил я, осторожно тряхнув его за плечо.

Он посмотрел на меня абсолютно трезвым взглядом и ответил:

– Может хоть так *Он* услышит?

Прошло ещё четыре дня и дорогу до Тбилиси расчистили. Я уехал на своей повозке, запряжённой ишаком, а Мгеладзе возобновил работу в мастерской.

Когда я подъезжал к нашему совхозу, на повороте меня встретила маленькая темноглазая девушка Лана, сборщица с нашего участка. Она сказала только одну фразу: «Баграг, не показывайся в правлении, иди сразу к Милою, он ждёт тебя дома». У меня сложилось твёрдое

убеждение, что наша встреча с ней была неслучайна, что она ждала именно меня, чтобы сказать эти слова, может быть, простояв на обочине дороги много часов.

Контрадзе ухаживал (по крайней мере проявлял знаки внимания) за всеми девушками, попадавшим в его поле зрения. Те отшучивались и кокетничали, стреляя глазами, но Лана вела себя скромно, но не я один видел, как она смотрела на Константина, когда он стоял к ней впол-оборота и не мог заметить взгляда. Увлечённый собственной популярностью, силой, молодостью, наглостью, мечтами, Костя не замечал Лану. На вопрос Соломона Ионовича: «Костя, когда же ты остепенишься?», он неизменно отвечал: «Эс ки дзалиан миндода⁴. Но это невозможно, батано! Ламази гогонеби⁵, я их всех так люблю!» Костя всегда переходил на более распеvный и чувственный грузинский, когда речь шла о любви.

Память человеческая очень своевольная и капризная подруга. Сейчас, будучи старым человеком, прожившим долгую и трудную жизнь, я часто вспоминаю Грузию, но не горы и виноградники, не бурные горные потоки и стада на пастбищах, ни гордые церкви и монастыри, и даже не старые кевври, врытые в коричневую глину, из которой был вылеплен первый человек. Эта земля у меня слилась в сознании с образом тихой, но смелой большеглазой девушки Ланы, силу любви которой не заметил мой друг Константин и которая вместе с Соломоном Милем, нашим добрым директором, спасла меня в тот день.

Дом Соломона Ионовича находился на небольшом холме прямо за главной совхозной конюшней. Я толкнул калитку, та тихо открылась; на крыльцо вышла Анна Ициковна, грузная, с больными ногами, обмотанными какими-то тряпками, и поманила меня внутрь дома. Не могу сказать, что Миль был пьян (этого за четыре года работы в совхозе я не видел ни разу), но от него разлило перегаром, а на столе стояла большая чаша горячего бульона с сухарями.

Он насильно влил в меня бульон, заставил съесть большой кусок курицы и только после этого сказал, тяжело дыша и запинаясь:

– Из моего дома, никуда не заходя, поедешь на своём осле в Рустави. Ни в коем случае не показывайся в Телави... В Тбилиси ещё опаснее. Из Рустави послезавтра утром пойдут три грузовика с вином. Они идут в Баку, покажешь мою записку завгару, он тебя пристроит в машину... Из Баку поездом до Ростова, там автобусом. Я согласовал задним числом твой перевод в совхоз «Цимлянский рассвет». Сразу придёшь к директору – Плаксюре Ивану Ивановичу, он тебя отправит на дальний хутор... Переждёшь.

Я молчал, пытаюсь понять, что же произошло.

– Ухожу... на пенсию мне пора, Баграт, я бесполезен и пуст как ветхий бурдюк, – покачал головой Соломон и мне стало видно, насколько он стар и раздавлен страданием. Его толстая нижняя губа отвисла ещё больше, и теперь напоминала ковш экскаватора, а мутные глаза смотрели безжизненно.

Стоявшая в дверях Анна Ициковна тихо заплакала.

– Я прощаюсь с Костей, – начал было я, демонстрируя глупость и недогадливость.

– Нет! – Возвысил голос Миль. – Обещай, что сделаешь в точности так, как я сказал. Ты уедешь немедленно!

– Котэ арестован, – еле слышно сказала Анна Ицковна. – Он теперь вредитель и враг народа.

– Погодите, – начал догадываться я. – Это же ошибка! Костя? Ну, смешно!

– Ничуть не смешно, – помотал головой Миль. – Я был в Тбилиси. Товарищ Серго Гоглидзе раскрыл заговор. Я был у Шио...

Соломона передёрнуло, как от выпитой рюмки крепкой чачи.

⁴ Я бы этого хотел (груз.)

⁵ Красивые девушки (груз.)

– Ничего больше не спрашивай, просто уходи, – с этими словами Миль достал перехваченные бечёвкой документы, необходимые для перевода, положил сверху несколько купюр – мой расчёт, добавил ещё одну – от себя, и вяло махнул рукой.

Когда я покидал его двор, Анна Ициковна шепнула мне на ухо:

– Забрали Славу Яхно, бухгалтершу Николашвили и двух её сыновей – Григория и Михаила. Про тебя спрашивали. А Моня ответил, что такой у нас не работает, до паводка перевёлся из Самтреста в Ростов. А куда точно, не известно...

Контрадзе забрали самым первым, в четыре часа утра, те же самые серые люди, что были здесь в феврале. Константин жил не в совхозном бараке, как я, а в небольшом доме, одиноко стоящем прямо у края саветийских виноградников. Домик достался ему от деда, который сторожил здесь посадки князей Василишвили, древних грузинских тавадов. И, хотя формально, дом принадлежал князьям, выгнать старика отсюда никто не посмел, а пять лет назад Константин поселился здесь после окончания сельскохозяйственного техникума в Тбилиси. Благодаря собственному дому, Контрадзе, и без того полный обаяния, считался среди девушек очень перспективным женихом, не то, что я. Костю подняли с постели, не дав одеться, вывели из домика на улицу и затолкали в закрытый брезентом кузов грузовика.

Вопреки наказу Соломона Ионовича, я не уехал сразу в Рустави. Рассудив, что до отправления автоколонны на Баку есть ещё время, а мой путь едва ли превысит семь часов, я, с наступлением сумерек поднялся на самую вершину Савети, где среди непроходимых зарослей кустарника была расчищена площадка в три гектара. Здесь рабочие из совхоза готовились высадить чайные кусты, поскольку по прямому указанию товарища Сталина, Грузия должна была стать источником чайного листа для всех уголков великой Страны Советов.

На Савети упала ночь, я лёг в шалаше, сохранившемся от рабочих, что трудились на расчистке, и сквозь редкую сеть прутьев стал смотреть на чернильное небо в маленьких уколах света. Звёзды смотрели на землю с отрешённым и величественным равнодушием. С высоты им хорошо видна была кропотливая ежедневная работы, которую вели товарищ Берия, Центральный Комитет Компартии Грузии, органы Грузинской Советской Республики по искоренению саботажа на производстве, антипартийной групповщины в руководстве и упадничества среди трудящихся совхоза, не верящих в выполнение и перевыполнение обязательств, взятых перед государством. Как топоры и лопаты рабочих выкорчевали вековые заросли кустарника на Савети, так и товарищ Берия решительно расправлялся с теми, кто не мог подняться на уровень великих задач, поставленных Партией, кто тормозил рост социалистического государства, кто не желал отдать все силы служению великой идее.

– Костя! – Мой безмолвный крик полетел к ледяным звёздам, обрывая их беззвучный монолог. – Кто был так лично предан товарищам Берии и Сталину? Кто верил в торжество коммунизма на всей земле с силой неистовой? Кто перечитывал «Правду» по нескольку раз, чтобы выбрать из неё крупницы мудрости, изливающиеся на нас из разума Великого Вождя? Кто как ни Константин Контрадзе должен был стать новым человеком на новой земле? А как он хотел сделать Великое Вино, которое бы потрясло лично товарища Сталина? Верный сын грузинского народа... Котэ, что с тобой будет?

Через какое-то время я понял, что веду себя в точности как Мгеладзе на развалинах монастыря Гударехи, только не вою по-волчьи, а тихо всхлипываю и подвываю в кулак. Так я познал сокрытую в своём сердце трусость, спавшую в глубоком колодце, под прозрачной толщей благополучия и повседневных текучих дел. Но быть может, старый волк был не прав, и шанс быть услышанным *Им* не зависит от громкости выкриков и изощрённости грузинских ругательств?

Сейчас, когда наступили очень запутанные времена, и тёмные люди вновь подняли голову, имя Вождя Народов опять пишут на знамёнах. На прошлой неделе я был в гостях у старого друга Леонида, что живёт в деревне Савинки, недалеко от Зарецка. Отстояв вечернюю

службу в местном храме, где ведутся ремонтные работы и восстанавливается прекрасная роспись начала 19 века, мы были приглашены в трапезную, чтобы разделить чай с иереем Игорем. Этот священник настоятельствует в Покровской церкви большого села Уключного, но трижды в месяц служит и в Савинках. Иерей Игорь очень деятельный и говорливый, с высоты своих тридцати семи прожитых лет, заочной семинарии, пяти лет священства и двух паломничеств на Афон, пространно рассуждал о мире и войне, возрождении веры, богословии, педагогике и разных науках, показывая недюжинную эрудицию во множестве областей знаний. Уследить за ходом его мысли мне по старости лет было невозможно, а в качестве рефрена он, обращаясь ко мне лично, постоянно призывал к смирению, хотя я его совета не спрашивал, а просто молча пил чай. В конце концов, иерей принялся сетовать на разгул «бандитизма и торгашества», отсутствие порядка, крепкой руки и жёсткой неподкупной власти. Он сильно переживал, что на дворе одна тысяча девяностый год, а вокруг разруха и бандитизм, словно идёт гражданская война. Резюмировал он просто:

– А вот при Иосифе Виссарионовиче такого не было и быть не могло.

– Скажите, настоятель, – вежливо обратился я к нему, – вы считаете, что нашей стране нужен товарищ Сталин, какое бы имя он сегодня не носил? С его репрессивной машиной, страхом и лагерями?

– Да это всё гнусная клевета на вождя! – Воскликнул возмущённый Игорь. – Никого и никогда безвинно не сажали – дыма без огня, сами знаете, не бывает, а вот порядок – был! Разве на нашем Уключинском рынке могли бы верховодить Ахмед и Саид-Череп, будь у власти товарищ Сталин? Нет! Эти хачи приносили бы пользу стране на стройке космодрома или водохранилища. А я каждый день вижу их наглые небритые рожи, торчащие их окна «Мерседеса»!

– «Хач» на армянском означает «крест», – как можно спокойнее сказал я.

Священник пожал плечами и не извинился.

Я встал из-за стола, поблагодарил за чай, подошёл к двери, ведущей из сторожки на улицу, и плюнул на порог смачно, тонкой и длинной слюной, прямо через свои вставные зубы.

– Что? – Вскочил на ноги иерей, лицо его было красным как молодое саперави.

– О, это тебе привет от Кости Контрадзе, мардагайл⁶, – сказал я и пошёл пешком на автобусную остановку, желая вернуться в Зарецк. Я шёл не спеша, с трудом переставляя больные ноги, с удивлением понимая, что прошло столько лет, а дух мертвечины ещё не выветрился из умов людей, и вот, я умру, и не узнаю, излечима ли проказа, поразившая разум молодого священника, или нет.

А впрочем, он сам пусть думает.

...До Ростова я добрался только девятого июня 1938 года, переночевал на вокзале и отправился на восток, туда, где Дон, извиваясь, струился поперёк бесконечной раскалённой степи, и где тоже рос виноград, а значит, я мог жить и работать дальше.

Совхоз «Цимлянский рассвет» сдавал большую часть выращенного урожая на Миллеровский винзавод, но имел и так называемый «опытный цех», где под руководством главного агронома Сергея Артемьевича Потапова и технолога Ульяны Анастасьевны Тищенко закладывали вина из новых сортов винограда, выводимых селекционерами, чтобы понять, чего удалось добиться от лоз.

Я явился в правление и сразу нашёл директора, Ивана Ивановича Плаксюру, назвал ему свою фамилию, а он только растерянно кивнул в ответ. Мне очень хотелось рассказать ему, что произошло в Грузии, но он категорически запретил делиться хоть с кем-то прошлым, и сам слушать не стал, замахал руками и долго смотрел в окно, задумавшись. Потом он бегло просмотрел мои бумаги и отправил к Тищенко в опытный цех, помощником технолога.

⁶ Оборотень в армянской мифологии

В «Цимлянском рассвете» я проработал ровно десять лет. Хутор Белов стал моей третьей родиной после Сенегерда и Грузии. А впереди меня ждали ещё города и веси, которые принимали невольного скитальца, давая ему и работу, и кров, и пищу, и работу, и вино...

Весна на виноградниках – время больших работ, находок, а иногда – и разочарований.

– Разве это амуренсис? Нет! Это не а-му-рен-сис! – Размахивая руками, меряя шагами пространство, возмущался худой, полностью лысый старик в серой толстовке. – Уж я-то отличу амуренсис от всякого кандибобера!

За ним бегала небольшого роста полноватая девушка с пшеничными косами, хватала за руки и пыталась уговорить великого селекционера-мичуринца.

– И не надо меня успокаивать, Риночка!

– Очень даже надо, Сергей Артемьевич! Вот тукнет вас по темечку удар от переволнения, что ж тоды я буду с вашим амуренсисом делать? Кто у нас первый агроном и новатор на всю страну?

– Рина!

– А что «Рина»? Мне ещё учиться и учиться у вас. Я вот нажалуюсь Плаксуре, тогда узнаете!

– Доносительство – не достойно комсомолки!

– Ах-ах, испугалась я вас прямо! – Твёрдо гнула своё девушка, в запальчивости уже крепко схватившая Потапова за локоть и тащившая прочь от виноградников.

Сергей Артемьевич наконец поддался на уговоры помощницы и позволил увести себя в правление. Потапов, действительно, был учеником Ивана Мичурина, даже жил в его доме около трёх лет. Сейчас он был старым человеком, по-казачьи кривоногим, но крепким, и подвижным. Его загорелые руки были длинными, пальцы узловатыми, глаза, удивительного чёрно-фиолетового цвета, словно ягоды саперави, были глубоко посажены в глазницы, над которыми кустились седые проволочные брови. Он напоминал ожившую лозу, настолько старую, что весь урожай с неё ограничивался одной кистью, но сила ягод была такова, что способна была удивить самого требовательного винодела. Но в силу возраста и ему, и его жене Марии Серафимовне, требовалась активная помощница с функциями няньки. Октябрина Вепринцева, выпускница Калачевского техникума, взяла на себя эту добровольную нагрузку, думая перенять богатый опыт Потаповых в виноградарстве и селекции новых сортов.

Теперь Сергей Артемьевич был усажен ею на скамейку во дворе правления, она принесла своему учителю кружку холодной воды и села рядом, помахивая газетой на раскрасневшееся от чрезмерного волнения лицо агронома.

– И что теперь? Ехать самому в Сибирь? – Расстроено проговорил Потапов. – В мои-то семьдесят три года! Я же ведь всё объяснил Сафирбекову! И что он мне привёз? Это типичный лабруска! Семьсот пятьдесят черенков лабруски, что с ними прикажете делать!

– Водичку, водичку успокоительно пейте, глоточками, – уговаривала его Рина. – Ни в какую Сибирь вы никуда не поедете!

– Да, не поеду, – неохотно согласился Потапов. – Я ещё ничего себе, а Мария Серафимовна не выдержит такого путешествия.

Экспедиция без верной спутницы жизни агрономом даже не планировалась.

– У нас есть триста пять, верно, укоренившихся лоз амуренсиса, будем работать с ними.

– Риночка, – серьёзно проговорил селекционер. – Ты же знаешь, сам Иван Владимирович Мичурин всегда с горечью отмечал, что северяне незаслуженно обижены, не имея такого чудесного фрукта, как виноград. Он завещал мне исправить это природное недоразумение!

– Конечно, – кивнула Октябрина, в очередной раз недоумевая, почему легендарный Иван Мичурин в воспоминаниях Потапова всегда называл виноград «фруктом».

– Но, чтобы в оставшиеся мне годы успеть претворить в жизнь эту заповедь учителя, я должен иметь в своём распоряжении настоящий полиморфизм признаков! Срочно нужно достать ещё восемьсот, нет тысячу черенков амуренсиса! Можешь ли представить себе обильно плодоносящую лозу в каком-нибудь вологодском палисаде? И чтоб на зиму не укрывать, и чтобы урожай через край и болезни чтобы не страшны? Вот это – великая цель моей жизни! А сколько мне ещё осталось? От силы лет десять.

– Вы великий селекционер! Только берегите себя. Вот уже сосудик на глазу лопнул. Нет, я нажалуюсь прямо Плаксюре, пусть запретит вам волноваться.

Я стоял в редкой тени плетистой беседки, где обычно курили водители и грузчики, и с интересом наблюдал за Октябриной. Она была очень хороша. Круглолицая и скуластая, с большими внимательными глазами вольной казачки, поверх светлых волос повязан сиреневый платок, чуть полноватые руки так и взлетают, подтверждая движением каждое сказанное ею слово. А жизненная сила так и бьёт через край, словно из горячего гейзера. Так бы и стоял, наблюдая за этой красотой. А Рина всё время поглядывала на меня, успевая спорить с Потоповым, и взгляд её был слишком пристальным и любопытным, чтобы его не заметить.

Близко познакомились мы с Риной через две недели на воскресном чаепитии у Агея Тарасович Белова-Лазарчук, пожилого, но по-прежнему статного и крепкого как Ваагн врача местной амбулатории, доктора старой школы, и местного уроженца. Жену свою он похоронил ещё в гражданскую войну, когда на южном Дону свирепствовал сыпной тиф, детей не имел. Суровое, вытянутое лицо Агея Тарасовича имело немного грустное и удивлённое выражение, придаваемое ему асимметрией бровей: левая бровь была опущена вниз, нависая над глазом, правая – напротив, вздёрнута вверх. Он был природным казаком, учился в Казанском университете, а после смерти жены много поездил по стране. Биография его, особенно первых послереволюционных лет, была темна и запутана. Кто-то, например, парторг совхоза Ширяев, находил его не совсем благонадёжным, кто-то, как наш участковый, считал его слишком высокоумным, но мне он очень нравился: всегда, подтянутый, ироничный и неунывающий, он умел заговорить интересным рассказом, создать атмосферу тайны и удивить собеседника интересными медицинскими фактами. Белов-Багреев уже десять лет работал в местной амбулатории со старушкой-медсестрой Сулимовой, а жил одиноко в белёной казацкой хате с решётчатым палисадом и старым колодцем на заднем дворе. Чтобы его лекторский талант не пропадал даром, каждое воскресенье он приглашал на чай молодёжь и рассказывал о достижениях науки, устройстве человеческих органов, истории медицины и лекарственных травах. В тот день за его чайным столом оказались только мы с Октябриной, и сразу же ввязались в сложную научную дискуссию.

– Вторая сигнальная система, описанная академиком Павловым – орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в самом себе. Это его слова!

Последнюю фразу доктор обратил напрямую к Рине, подозрительно прищурившуюся и качавшую головой. Она, хоть и уважала Агея Тарасовича, как врача, но всё время подозревала его в «религиозном» и «ненаучном» взгляде на вещи.

Агей Тарасович продолжал:

– Возьмём физиогномику. О ней многие судили как о шарлатанском учении, пока за дело не взялся киевский врач Иван Алексеевич Сикорский, выдающийся психиатр, обладавший уникальной способностью к наблюдению и обобщению фактов. Мне довелось у него учиться, потому я говорю о его превосходных умственных способностях без всякого преувеличения. Его физиогномика основана на знании анатомии мышц лица, теории о рефлекторном выражении эмоций и чувств через их сокращение. А ведь до него даже знаменитые учёные и врачи пытались построить теории, на основе которых можно определить характер человека и даже предсказать судьбу, исходя из формы носа, лба, ушей. Вот что могут означать, например, оттопыренные уши?

Я пожал плечами, а Рина, у которой, действительно, уши не плотно прилегали к голове, затрясла ногой под столом и ещё сильнее поджала губы.

– Ежели исходить из древнего восточного трактата «Фирасат», – с невинным видом продолжал доктор, – такие уши могут означать духовную одарённость человека, его способность к мистическим прозрениям. А буде у кого-то большие, мясистые мочки, то он человек сильный, щедрый, но очень импульсивный, совершающий множество необдуманных поступков, как хороших, так и плохих. А большой рот с пухлыми губами – признак чувственности.

– Представляю, – начал фантазировать я, – представляю себе такого человека с оттопыренными ушами, пухлыми губами и большими мочками одновременно!

– О, это гремучая смесь! – Затряс руками, изображая стихию, Агей Тарасович, – не дай нам Бог попасть в орбиту эдакого урагана: закрутит, завертит!

Рина, не в силах уже сдерживаться, покраснела и сердито заговорила:

– Агей Тарасович, это какое-то завиральное дело, мы же прямо взрослые люди, вот! Мы материалисты, марксисты до мозга и учёные, в конце всего, а потому категорически не можем в подобные заблуждения верить.

– Взрослые, – кивнул доктор и в уголках его глаз засветились весёлые огоньки, – и, что важно, учёные. Вот учёный Сикорский раскрыл психические и физиологические механизмы мимических и многих других стереотипных движений. И что мы видим в свете ярких лучей его теории? Багра́т, например, постоянно нюхает чай в кружке, что выдаёт его волнение и любопытство. Что-то я такое затронул, что для него важно. А вы, Октябри́на Георгиевна, всё время губы поджимаете, тем самым, создавая в мозгу очаг возбуждения, уравнивающего ваши протест и недовольство моими словами.

Я пришёл на выручку Рине и перевёл разговор на другую тему, за что она с благодарностью крепко сжала мне запястье. У меня же от этого простого жеста вспотела спина и одновременно пересохло во рту, и я налил себе ещё ароматного докторского чая. Сикорский, всё-таки, был великим учёным.

Мы выпили целый самовар, хрустя сушками и сахаром, слушая громкие ходики на стене комнаты. Ко мне на колени без спроса запрыгнул серый пушистый кот с огромными карими глазами и заняв удобную позу начал утробно булькать, словно закипающий чайник. Но, как оказалось, доктор и не собирался сдаваться. Дав нам небольшую передышку, он вновь приступил с вопросами. Ему, очевидно, нравилось смущать нас, таких молодых и немного растерянных от заклубившейся в комнате взаимной симпатии.

– Вот, скажите мне, Багра́т Платонович, какой орган чувств вы считаете у человека самым главным? – С совершенно наивным видом спросил меня доктор.

Я внезапно густо покраснел к вящему удовольствию Агея Тарасовича, а Рина, ощутив, что мы связаны, как солдаты в окопе под огнём неприятельской артиллерии (чего, судя по всему, и добивался этот душевед), решительно выпалила в ответ:

– Глаза! Я считаю решительно, что глаза – зеркало души!

Это красивое сравнение она почерпнула из книг, которые, в отличии от меня, читала с интересом, запоминая оттуда разные сложные слова и витиеватые выражения. Но доктор покачал головой:

– А вот и нет, Ри́ночка. Нос! В Библии, да простят меня марксисты, нюх человека не порицается ни разу, а слух, вкус и зрение – многократно! Помните, как запаниковал майор Ковалёв, лишившись органа обоняния? Если бы от него ушёл глаз или сбежало ухо, стал бы он так переживать?

Мы засмеялись. Я не помнил ничего про Ковалёва, но Библию знал хорошо.

– Обоняние сопряжено со всеми внутренними органами сильнейшими нервными связями, – рассказывал Агей Тарасович. – Ни зрение, ни осязание не влияют так сильно на воз-

никновение и закрепление чувства привязанности между мужчиной и женщиной, как делает это способность различать и иерархически выстраивать запахи.

– Да ну! – Заинтересовалась Рина, мельком взглянув на меня и погладив кота на моих коленях.

– Истинно! Риногенитальный рефлекс ещё в двадцатые годы открыл профессор Воячек из Петербурга, простите, Ленинграда!

Первые два слога в названии рефлекса прозвучали и отчётливо, что теперь и я и Рина покраснели вместе не сговариваясь, а Агей Тарасович всё гнул своё:

– А его последователь, киевский доктор Козловский, с которым нас связывали дружеские отношения, лечил дисменорею путём кокаинизации носовых ходов и часто добивался успехов. Правда метод Козловского в силу открывшихся побочных эффектов кокаина не употребляется теперь широко.

Мы сидели за чаем уже два часа, но никуда не собирались уходить, а доктор всё сыпал и сыпал новыми научными фактами и чудесными историями.

– А вы знаете, молодой человек, – вдруг обратился ко мне Агей Тарасович, – что первые культурные сорта винограда появились где-то в треугольнике между Эрзурумом, южным побережьем Каспия и Тбилиси?

Я вздохнул, вспомнив свою деревню, родных, виноградники с мало кому известными местными лозами, бывшие, быть может, прародителями для множества культурных сортов.

– И, хотя человечество, казалось бы, всё знает про *Vinifera* и его свойства, наш Сергей Артемьевич с супругой давно носятся с идеей великого винограда, и Рину втянули.

– Что за идея великого винограда? – Делая равнодушный вид, спросил я Агея Тарасовича. Сам же едва сдерживал сбившееся от волнения дыхание.

– Могучий виноград-богатырь, он пережил Ледниковый период! – Ответила за него Октябрина, продолжая рассматривать меня искоса, мельком. – Не боится сорокоградусных морозов, летней засухи и даёт прямо изобильный урожай.

– Да, это целая история! – Поддержал её доктор. – Потапов привёз с Дальнего Востока черенки *Vitis amurensis*. Слышали о таком?

– Нет, – честно признался я.

– Виноград Амурский, – продолжил объяснять Агей Тарасович, – имеет некрупные фиолетовые ягоды, сладкие как домашнее варенье и в меру терпкие. Китайцы делают из амуренсиса вино, сбравивая сок прямо с мезгой, для получения большей экстрактивности. Такое вино предназначено не для ежедневного употребления и даже не для праздника. Считается, что оно обладает великой целительной силой и его пьют больные люди, отчего быстро идут на поправку. А если в вино добавлять экстракт женьшеня или лотосовую настойку, то получится средство ещё более сильное, пользоваться которым может только очень опытный врач. Без знания о том, каким законам подчиняется ток жизненной энергии ци в организме человека, в какие сезоны, дни, часы наблюдается подъём, а в какие – спад, невозможно использовать это уникальное снадобье. Когда я служил, ну, то есть, работал, в Сибири, я сам много экспериментировал с этим виноградом и, представьте, успешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.